

Чувашский перевод одной проповеди середины XIX века¹

В настоящей работе представлен анализ орфографии и языковых особенностей одного из старописьменных памятников чувашского языка XIX в. — перевода на чувашский язык обширной проповеди митрополита Григория (Постникова) «День святой жизни, или ответ на вопрос: как мне жить свято?». Эта проповедь была издана в Санкт-Петербурге в 1856 г. [День 1856], а уже на следующий год чувашский перевод напечатали в Казани под названием «Конь святой бѳрнызинь, а́ли ХорáвЪ идю́ синé: еплé мánЪ святой борна́сь?» [Конь 1857].

Данный памятник имеет объем около 170 страниц сплошного текста и очень богат языковым материалом. Он относится к довольно представительному корпусу чувашских текстов XVIII—XIX вв., авторы которых в отсутствие общепринятой орфографии (только в 1871 г. просветитель И. Я. Яковлев утвердил проект нового алфавита, с которым связывают начало современной чувашской письменности) опытным путем находили средства адаптации чувашской фонетики к графике на кириллической основе. В целом эти приемы являются общими для многих памятников, но в каждом из них есть и свои уникальные орфографические особенности. Кроме того, что еще более важно для чувашской исторической диалектологии, за отсутствием литературной нормы каждый памятник указанного периода хорошо отражает языковые особенности того говора, носителем которого был конкретный переводчик.

В случае с переводом «Дня святой жизни...» в самом издании содержится указание на то, какой чувашский говор мог лечь в его основу. Текст проповеди предваряет замечание о том, что данный перевод — «усерднейшее приношение» митрополиту Григорию от священников Евгения Акрамовского из села Акрамово Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (ныне в Моргаушском районе Чувашии) и Георгия Аристовского из села Янгильдино (по-видимому, речь идет о селе Янгильдино в Чебоксарском районе Чувашии, находящемся в 16 км от Акрамово). Согласно существующим классификациям чувашских диалектов (см. [Канюкова 1965; Сергеев 1992]), оба населенных пункта лежат в пределах распространения верхового диалекта чувашского языка. Уже при поверхностном знакомстве с памятником ясно, что его язык действительно носит верховой характер: часто встречающаяся в первом слоге буква *o* отражает верховой гласный *-o-*, который регулярно соответствует низовому *-и-* (собственно, на этом распределении в первую очередь и строятся принятые классификации чувашских диалектов). Однако более точная географическая локализация говора-источника и общие задачи исторической диалектологии чувашского языка требуют детального анализа языка данного памятника.

Ниже приводится разбор орфографии и языковых особенностей чувашского перевода «Дня святой жизни...», выполненный на основании росписи примерно $\frac{2}{3}$ материала памятника. Основное внимание уделено фонетическим и морфологическим особенностям, также отмечены некоторые лексические диалектизмы. Обзор синтаксиса не входил в задачи данного исследования, поскольку при обращении к тексту становится ясно, что переводчик постоянно прибегал к пословному переводу русских синтаксических конструкций; таким образом, для изучения синтаксиса чувашских говоров XVIII в. рассматриваемый памятник не информативен.

Зафиксированные в памятнике формы даются в оригинальной кириллической записи в квадратных скобках (единственное изменение — написание прописного [З] для упрощения визуального различения с [ь]) и сопровождаются латинской транслитерацией. Библиографическая информация, касающаяся мест употребления той или иной формы в тексте памятника, в статье не приводится; она указана в Словаре чувашского перевода «Дня святой жизни...», который выполнен в программе LingvoDoc и в скором времени будет доступен по интернет-адресу: <http://lingvodoc.at.ispras.ru>. Стандартные «общечувашские» формы, с которыми сравниваются записи памятника, в общем следуют транскрипции, принятой в [СИГТЯ 1997, 2002, 2006]. Схема анализа материала, как правило, повторяет принятую в работе [Савельев 2013а] и в диссертации [Савельев 2014], посвященной отражению диалектных особенностей в чувашском материале Словаря Палласа.

При рассмотрении особенностей орфографии данного старописьменного источника по возможности даются релевантные сопоставления из других памятников чувашского языка XVIII—XIX вв.

¹ Работа велась по гранту РГНФ № 15-04-00361 «Первые памятники письменности на уральских и алтайских языках». Автор выражает большую признательность О. А. Мудраку, с которым обсуждался ряд положений настоящей работы.

1. Фонетика

Как будет показано ниже, языковые данные отражаются в переводе «Дня святой жизни...» на очень высоком уровне, особенно в плане передачи фонетики говора-источника. Опечаток в переводе крайне мало, так что фонетическая система говора-источника может быть восстановлена вполне надежно.

1.1. Консонантизм

Шумные согласные

Как известно, в современном чувашском языке шумные согласные имеют глухие и полувзвонкие варианты. Фонотактически они распределены таким образом, что полувзвонкие представлены в положении между гласными и после сонанта перед гласным (интервокальная позиция), а глухие — во всех остальных случаях. В старописьменных памятниках, однако, распределение глухих и полувзвонких (в нашей транскрипции отражаются аналогично звонким) вариантов далеко не всегда соответствует современному, и «День святой жизни...» в этом отношении не является исключением.

Для шумных согласных в данном памятнике оказалось целесообразным выделять следующие позиции: 1) начало слова; 2) интервокальная позиция (независимо от положения относительно границ основы или аффикса); 3) кластер внутри словоизменяющей основы; 4) конец основы; 5) начальное положение в составе аффикса; 6) конечное положение в составе аффикса. Ниже приводятся результаты исследования того, как тот или иной шумный согласный ведет себя в указанных позициях.

1.1.1. *p*

1.1.1.1. Один из наиболее сложных вопросов, возникающих при анализе старописьменных памятников чувашского языка, связан с глухими и звонкими отражениями ожидаемого *p*- в анлауте. Уже с самых ранних источников XVIII в. (Ф. Страленберг) и вплоть до середины XIX в. в памятниках наблюдается «непоследовательная» передача начального *p*-, в части случаев как будто указывающая на звонкость. На письме она отражается в колебании [*n*-] и [б-] или, соответственно, [*p*-] и [б-] в латинографических памятниках. Доля неожиданно звонких отражений *p*- в анлауте, как правило, значительно выше, чем у других шумных (для последних она обычно не превышает статистической погрешности). Выписывание [б-] не может отражать синхронное фразовое озвончение в контексте после гласного или сонанта в исходе предыдущего слова, поскольку оно столь же часто имеет место в абсолютном начале фонетического периода или после глухого согласного.

Ниже приводится полный список (за исключением неадаптированных русизмов) чувашских основ с ожидаемым анлаутным *p*-, зафиксированных в расписанной части перевода «Дня святой жизни...».

Основы с [*n*-]:

- puz*- [пуз-] ‘портиться’ ~ чув. *p̣s*- тж.;
- pida* [пыда-] ‘гвоздь’ ~ чув. *p̣da* тж.;
- putran*- [путран-] ‘волноваться’ ~ чув. *p̣tran*- тж.;
- piy*’ [пыгЪ] ‘смотреть’ ~ чув. *p̣y*- тж.;
- pižrgan*- [пыжыргган-] ‘огорчаться’ ~ чув. *p̣žrygan*- тж.;
- p’ült*’ [пюльт] ‘небо’ ~ чув. *p̣lät* тж.;
- p’er*’ [перь] ‘один’ ~ чув. *p̣r* тж.;
- p’id*’- [пидь-] ‘кончаться; умирать’ ~ чув. *p̣t*- тж.;
- p’ičik*- [пичик-] ‘маленький’ ~ чув. *p̣žək* тж.;
- p’ül’üks*’ [пюлюксъ] ‘ангел-хранитель’ ~ чув. *p̣üləxşə* ‘дух-покровитель’;
- porn’i*-_{3sg} [порни-] ‘палец’ ~ чув. *p̣irne*, диал. *porne* тж.;
- pad’áx*’ [падяxB] ‘много’ ~ чув. *p̣ajda* тж.;
- pargá*- [паргá-] ‘крепкий’ ~ чув. *p̣arga* тж.;
- paṽá* [пагá] ‘важный’ ~ чув. *p̣aṽa* тж.;
- paṽčá* [пахчá] ‘сад’ ~ чув. *p̣aṽča* тж.;
- paján*’ [паянЪ] ‘сегодня’ ~ чув. *p̣ajan* тж.;
- p’er’eg’et*’ [перегетЪ] ‘успех’ ~ чув. *p̣ereget* ‘изобилие’;
- p’iz*’- [пизь-] ‘зреть’ ~ чув. *p̣iṽ*- тж.;
- p’ír*- [пир-] ‘мы (косв.)’ ~ чув. *p̣ir*- тж.;
- p’it*’ [питъ] ‘лицо’ ~ чув. *p̣it* тж.;

p'id' [пидь] 'очень' ~ чув. *pidə* тж.;
poz' [позь] 'голова' ~ чув. *poʒ* тж.;
pos'-n'è [пось-нè] 'кроме' ~ чув. *poʒ-ne* тж.;
post'är- [постяр-] 'собирать' ~ чув. *poʒtar-* тж.;
roj- [пой-] 'богатеть' ~ чув. *roj-* тж.;
polž- [полж-] 'помогать' ~ чув. *polʒš-* тж.;
popl'è [поллè] 'разговаривать' ~ чув. *pople-* тж.;
roz- [роз-] 'ступать' ~ чув. *ros-* тж.;
posk'il' [поскиль] 'сосед' ~ чув. *poskil* тж.;
podt- [подт-] 'тонуть' ~ чув. *pot-* тж.;
pizik' [пизыкЪ] 'большой' ~ чув. *pizək* тж.

Случаи отражения [б-]:

braγ- [браг-] 'бросать' ~ чув. *pʁaγ-* тж.;
bar- [бар-] 'дать' ~ чув. *par-* тж.;
bad' [бад(ь)-] 'сторона' ~ чув. *pat* тж.;
bak' [бакЪ] 'как, подобно' ~ чув. *pek*, диал. *pak* тж.;
b'ič- [бич-] 'старший брат' ~ чув. *pičč-* тж.;
bol- [бол-] 'быть' ~ чув. *pol-* тж.

Выписывание соответственно [п-] или [б-] в данных словах совершенно регулярно. Колебания наблюдаются только в следующих немногочисленных основах:

чув. *palla-* 'знать, узнавать' — многократно [п(л)ла-], но один раз употреблено с [б-]: *ballamán'* neg. prf.-part. [балламáнь];

чув. *pír-* 'идти' — чаще [пыр-], реже [быр-];

чув. *por* 'есть, имеется' в предикатном употреблении, но 'весь' в атрибутивном — в памятнике регулярно (!) [борЪ] 'есть, имеется', но [порь] 'весь';

чув. *pəl-* 'знать' и его производные: сама основа регулярно дается в виде [бил'-], но дериват чув. *pələš* 'знакомый' с одинаковой частотностью встречается в вариантах [билижЪ] и [пилижЪ].

Для выяснения причин колебания [п-] ~ [б-] в чувашском переводе «Дня святой жизни...» оказалось нецелесообразно значимым сравнение с данными других старописьменных памятников чувашского языка (Таблица 1). Для сопоставления были выбраны Словарь Палласа [СС 1787, 1789] и Словарь Миллера [Müller 1759] (оба XVIII в.), по которым была сделана полная роспись, а также «Начертание правил чувашского языка...» В. П. Вишневого [Вишневикий 1836], где бо́льшая часть языкового материала удобно скомпонована в виде словаря. Как выяснилось, во всех этих памятниках, во-первых, в одних основах обычно строго отражается звонкий анлаут, а в других — глухой; колебания достаточно редки. Во-вторых, показания разных памятников в плане отражения звонкого или глухого анлаута в конкретной основе также, по большому счету, согласуются друг с другом. Все это позволяет предположить, что частично звонкое отражение анлаутного *p-* в источниках XVIII—XIX вв. неслучайно и должно найти объяснение в рамках исторической фонетики.

Таблица 1

Основы с ожидаемым анлаутным *p-* в «Дне святой жизни...»
и их параллели в других старописьменных памятниках²

Основа	Словарь Палласа	Словарь Миллера	«День...»	«Начертание...»
<i>pʁaγ-</i> 'бросать'	—	—	<i>браг-</i>	<i>бргг-</i>
<i>pʁs-</i> 'портить'	—	<i>-puſs-</i>	<i>пуз-</i>	<i>пуз-</i>
<i>pʁda</i> 'гвоздь'	<i>пута, пода</i>	—	<i>пыда</i>	<i>пуда</i>
<i>pʁʒi</i> 3sg. 'дети'	—	—	<i>пучи</i>	<i>пучи</i>
<i>pʁɪɪn-</i> 'волноваться'	—	—	<i>путран</i>	<i>путран-</i>
<i>pʁɣ-</i> 'смотреть'	<i>бых-</i>	—	<i>пыгЪ</i>	<i>пыг-</i>
<i>pʁʒʒɪɪn-</i> 'огорчаться'	—	—	<i>пыжыргган-</i>	<i>пужургган-</i>
<i>pəl-</i> 'знать' > <i>pələš</i> 'знакомый'	—	—	<i>бил'-</i> > <i>пилижЪ</i> , <i>билижЪ</i>	<i>бил-</i> > <i>пилижЪ</i>

² Подчеркнуты формы из «Дня...» и их эквиваленты в прочих источниках, если они одинаковым образом отражают начальный шумный.

Основа	Словарь Палласа	Словарь Миллера	«День...»	«Начертание...»
<i>pälät</i> 'небо'	<i>пюлтЪ</i>	<i>püllüt</i>	<i>пюльтъ</i>	<i>пюльтъ</i>
<i>pär</i> 'один' > <i>pärle</i> 'вместе'	<i>пря</i>	<i>bär</i>	<i>перь > пирьле</i>	<i>перь > перьле</i>
<i>pät-</i> 'заканчивать'	<i>пим'-</i>	—	<i>пидьт'-</i>	<i>пид'-</i>
<i>päžäk</i> 'маленький'	<i>питик-</i>	—	<i>пичикъ</i>	<i>пичик-</i>
<i>päččen</i> 'одинокий'	—	—	<i>пичинь</i>	<i>пичень</i>
<i>püläxšä</i> 'дух-покровитель'	—	—	<i>пюлюксъ</i>	<i>пюлюхси</i>
<i>pürne</i> 'палец'	<i>пурня, борня</i>	<i>bornja</i>	<i>порня, борня</i>	<i>порне</i>
<i>pajdaḥ</i> 'очень много'	—	—	<i>падяхЪ</i>	<i>падяхЪ</i>
<i>palla-</i> 'знать, узнавать'	—	—	<i>балла-, палла-</i>	<i>палла</i>
<i>par-</i> 'давать'	<i>барь</i>	<i>bar</i>	<i>бар-</i>	<i>бар-</i>
<i>parga</i> 'крепкий'	—	—	<i>паргга</i>	<i>паргга</i>
<i>pat</i> 'сторона'	—	—	<i>бад-</i>	<i>бад-</i>
<i>paḥa</i> 'ценный'	—	—	<i>пага</i>	<i>пага</i>
<i>paḥša</i> 'сад'	—	—	<i>пахча</i>	<i>пакча</i>
<i>pajan</i> 'сегодня'	—	<i>pajagan</i>	<i>паянЪ</i>	<i>паяганЪ</i>
<i>pek</i> 'как, подобно'	—	—	<i>бакЪ</i>	<i>бекЪ</i>
<i>pereget</i> 'успех'	—	—	<i>перегеть</i>	<i>перегеть</i>
<i>piš-</i> 'зреть, вариться'	<i>пс'-</i>	—	<i>пизь-</i>	<i>пизь-</i>
<i>pir-</i> 'мы (косв.)'	—	—	<i>пир-</i>	—
<i>pit</i> 'лицо'	<i>пим-</i>	<i>pit</i>	<i>пимъ</i>	<i>пимъ</i>
<i>pidä</i> 'очень'	—	—	<i>пидь</i>	<i>пимъ</i>
<i>pičč-</i> 'старший брат'	<i>бич-, пич-</i>	<i>bitsch, pitsch</i>	<i>бич-</i>	<i>пич-</i>
<i>poḥ</i> 'голова'	<i>босЪ, пусЪ</i>	<i>bos, poss</i>	<i>позь</i>	<i>пось</i>
<i>poḥ-ne</i> 'кроме'	<i>босня</i>	—	<i>посьне</i>	<i>посне</i>
<i>poštär-</i> 'собирать'	—	—	<i>постяр-</i>	<i>постяр-</i>
<i>poj-</i> 'богатеть'	—	—	<i>пой</i>	<i>пуй-</i>
<i>pol-</i> 'быть' > <i>poldar-</i> 'мочь'	<i>поль-</i>	<i>-pol-</i>	<i>бол- > болдар-</i>	<i>бол- > полдар-</i>
<i>polš-</i> 'помогать'	—	—	<i>полж-</i>	<i>полж-</i>
<i>porple-</i> 'разговаривать'	—	—	<i>попле-</i>	<i>попля-</i>
<i>por</i> 'есть, имеется (1); весь (2)' > <i>porḥn-</i> 'жить'	<i>борЪ (1), бурн-</i>	<i>burn-</i>	<i>борЪ (1), порь (2), борн-</i>	<i>порь (2), борн-</i>
<i>pos-</i> 'наступать'	—	—	<i>поз-</i>	<i>поз-</i>
<i>poskil</i> 'сосед'	—	—	<i>поскиль</i>	<i>поскиль</i>
<i>pot-</i> 'тонуть'	—	—	<i>подт-</i>	<i>под-</i>
<i>pir-</i> 'идти'	—	—	<i>быр-, пыр-</i>	<i>быр-</i>
<i>pižäk</i> 'большой'	<i>бызыкЪ</i>	—	<i>пызыкЪ</i>	<i>пызыкЪ</i>

Как видно из таблицы, в плане отражения ожидаемого *p-* перевод «Дня святой жизни...» особенно близок к «Начертанию...». Тожественность проявляется даже в записи таких нетривиальных случаев, как двоякая передача чув. *päläš* 'знакомый' (звонкое отражение в части случаев — под влиянием [б-] в производящей основе). При этом, судя по многим другим признакам, перевод «Дня...», хотя и ориентируется на «Начертание...» в плане орфографии, но с точки зрения отражаемых языковых реалий является вполне самостоятельным памятником. Этот факт служит лишним подтверждением тому, что частотное употребление начального [б-] в старописьменных памятниках чувашского языка следует объяснять не орфографической традицией, тянувшейся еще с записей первой половины XVIII в. в латинской графике, а отражением реальной фонетики соответствующих говоров.

Судя по данной таблице, нужно выделять следующие основные случаи, в которых перевод «Дня святой жизни...», а равно и другие памятники, чаще всего отражают неожиданно звонкий анлаут.

1) Случаи, где начальный губной непосредственно предшествует сонанту, т. е. имеет место озвончение, объясняемое ассимиляцией: ср. *braḥ-* [браг-] 'бросать' ~ чув. *pḥraḥ-* т.ж. (в форме из «Дня святой жизни...») согласные стали соседствовать после выпадения редуцированного). Ср. форму из Словаря Палласа [борня-] наряду с [пурня] 'палец' [Савельев 2015], где следует предполагать историческое оз-

вончение перед сонантным элементом: чув. *pürne*, диал. *porŋe* < ПТю **bjarnaq* [СИГТЯ 2006: 216] с реконструируемым дифтонгом.

2) Послелого и прочие служебные слова, обычно находящиеся в постпозиции к полнозначному слову и фонетически приближающиеся к энклитикам. Ср. формы *bad*(') [бад(ь)-] 'сторона' ~ чув. *pat* тж.; *bak*' [бакЪ] 'как, подобно' ~ чув. *pek*, диал. *pak* тж. Если отнести сюда же случай двойного отражения чув. *por* 'есть, имеется (1); весь (2)', то получает объяснение написание [борЪ] (1) именно в постпозитивном (предикатном) употреблении, в то время как вариант [порЪ] (2) регулярно обнаруживается в препозиции к полнозначному слову. Данные случаи следует интерпретировать как историческое озвончение шумного в позиции фразового инлаута, которое только во второй половине XIX в. было стерто в чувашских говорах в результате фонотактического выравнивания. Эта изоглосса является, по-видимому, общей для нескольких тюркских групп, ср. распространенное в огузских языках ослабление **b- > v-* часто в тех же категориях слов, где происходит озвончение в старочувашском (например, тур., азерб. *var* 'есть, имеется')³.

3) Частотные глаголы, для которых характерно употребление в роли модальных и, аналогично предыдущему пункту, слияние с предшествующим именем в единое фонетическое слово. Ср. *bar-* [бар-] 'дать' ~ чув. *par-* тж.; *bol-* [бол-] 'быть' ~ чув. *pol-* тж. в переводе «Дня святой жизни...» и аналогичные формы в других исследованных памятниках. Здесь же следует рассматривать отражение основы *pəl-* 'знать' как [бил'-] в глагольных формах, притом что отглагольное имя имеет вариант с [п-]: [пильжЪ]. В указанных случаях речь идет опять же об историческом озвончении шумного, которое находит параллели в огузских, ср. тур., азерб. *ol-* < **vol-* 'быть', *ver-* 'давать' и т. д.

Очерченные тенденции не всегда одинаково проявляются во всех указанных памятниках, но общие тенденции очевидны.

1.1.1.2. В позиции между гласными или после сонанта перед гласным *-b-* ожидаемо передается через [-б-], ср.:

'ibıldatnı _{prf.-part. nom.} [ьйбылдатны] 'льстить' ~ чув. *jъbъldat-* тж.;

kábır' [кабырЪ] 'красивый, нарядный' ~ чув. *kabъr* тж.;

t'üb'è [тюбè] 'часть' ~ чув. *tübe* 'верхушка';

olbúd' ran' _{abl.} [олбүдЪ ранЪ] 'господин' ~ чув. *olbüt* тж.;

iumb'ü [йумбю] 'царь' ~ чув. *ämbü* тж.

Геминированный *-pp-* отражается как глухой с необязательной передачей геминации:

err'in' [эппинь] 'итак, таким образом' ~ чув. *errin* тж.;

äpiz` _{3sg.} [äпыжЪ] 'старшая сестра' ~ чув. *äppöz* тж.;

karajäs(s)a _{inf. dat./acc.} [капаяс(с)а], *karajässin'* _{inf. gen.} [капаяссынь], *karajäs' ran'* _{inf. abl.} [капаясЪ ранЪ] 'гордиться, важничать' ~ чув. *kabaj-*, диал. *kappaj-* тж.

В кластерах с шумными или типа «р + сонант», находящихся внутри словоизменительной основы, практически регулярно отражение через [п-]. Ср.:

aptra- [антра-] 'мучиться' ~ чув. *apt(ь)ra-* 'тушеваться, впадать в ступор';

üpk'éd'- [юпкéd'-] 'обижать' ~ чув. незафиксированное **üpkе-t-* _{caus.} при *üpkе-le-* тж.

Исключением является случай *tabta-* [табта-] 'топтать' ~ чув. *tapta-* тж. Вероятно, [-б-] выписан здесь под влиянием семантически близкого чув. *tap-* 'нападать', которое записывалось бы в орфографии данного памятника как [таб-], см. следующий пункт.

Ср. также примеры, где корню предшествует полуредупликационный префикс на *-p-* с усилительным значением:

táptazà [тáптазà] 'чистейший' ~ чув. *tap-taza* тж. при *taza* 'чистый';

toptóli [топтóлы] 'преисполненный' ~ чув. *top-tolli* при *tolli* 'полный'.

1.1.1.3. Уникальной особенностью чувашского перевода «Дня святой жизни...» является частотное звонкое отражение конечных шумных. Детальный анализ материала показывает, что выписывание глухого или звонкого вариантов на конце основы зависит не столько от фонетического окружения (исключение составляют только тривиальные случаи звонкого отражения перед аффиксальным гласным), сколько от грамматического класса слова. В этом отношении оказываются противопоставленными исходы глагольных и именных основ.

³ В [СИГТЯ 2002: 45] предлагается считать, что переход происходит «в односложных корнях с *-r, -l*», однако ср. показания саларского языка, где **b- > v-* не только в этой позиции [там же: 66].

Для позиции конца глагольной основы регулярна звонкая передача шумного, ср.:

tob' [тобЪ] 'найти' ~ чув. *top-* тж.;
s'äb- [сяб-] 'бить' ~ чув. *šap-* тж.;
χib- [хыб-] 'разгораться' ~ чув. *χip-* тж.

Как будто в нарушение чувашской фонотактики, [-б] на конце глагольной основы выписывается даже перед глухим согласным аффикса, ср. деепричастные формы от приведенных основ: *s'äbsà* [сябсà], *tobsà* [тобсà], *χibsà* [хыбсà].

Эту особенность орфографии «Дня святой жизни...», вероятно, следует объяснять следующим образом. Разрабатывая орфографию, создатели памятника остановились на морфологическом принципе, который предусматривает неизменность написания морфемы и игнорирование возможных фонетических вариантов. В качестве инвариантов были генерализованы очень частотные сегменты со звонким исходом, которые были вычленены из большого числа форм глагольной парадигмы, где конечный согласный основы озвончается в позиции перед гласным аффикса (ср. чув. *pot-* 'тонуть' > *pod-adьp* 'я тону').

Что касается исхода именных основ, то в целом по памятнику в данной позиции обычны глухие варианты. Однако *p* в этом смысле представляет собой исключение, поскольку по не вполне ясным причинам в ауслауте преимущественно записывается [-б]:

χ'iz'éb' [хизэбЪ] 'время' (наряду с *χ'izép'* [хизэпЪ]) ~ чув. *χizer* 'число';
s'ir'ib' [сүрибЪ] 'крепкий' (наряду с *s'ir'ip'* [сүрипЪ]) ~ чув. *širəp* тж.;
t'üb' [тюбЪ] 'дно; основной' ~ чув. *təp* тж.;

aib' [аибЪ] 'вина' ~ чув. *aьp* тж.;

eb' [эбЪ] 'я' ~ чув. *eb(ə)* тж. (в данном случае звонкое отражение в принципе может быть объяснено влиянием отпавшего редуцированного).

Среди редких отражений через [-n], помимо указанных, отмечены только *χaláp'* [χалánЪ] 'сплетня' ~ чув. *χalap* 'басня', а также *áip' ran'* abl. [áunЪ ranЪ] 'вина' ~ чув. *aьp* тж., где перед энклитикой -*p* фактически находится в позиции ауслаута. Примечательно, что часть представленных здесь слов с -*p* на конце основы — заимствования (чув. *χizer* 'число', *aьp* 'вина', *χalap* 'басня'), и на них же приходится большая часть отражений через [-nЪ]; для корпуса исконных основ звонкие отражения почти регулярны.

1.1.1.4. В начале аффиксов, даже после шумного (в т. ч. глухого) исхода предыдущей морфемы, генерализована передача звонкого [б-]. Ср.:

-bir' [-бырЪ] (аффикс 1-го лица множественного числа глаголов)
boládbir' pres. 1pl. [болáдбырЪ] 'быть' ~ чув. *polat-pьr* тж.;
turmástbir' pres. 1pl. [турмáстбырЪ] 'стоять' ~ чув. *təmast-pьr* тж.;

-ba [-ба] (аффикс инструменталиса)
is'b'e instr. [úсьбе] 'дело' ~ чув. *aь-pe* тж.;
sivl'izba instr. [сýвлижба] 'дух' ~ чув. *sivl'ьš-pa* тж.

Частотный аффикс с исходом на -*p* — показатель 1-го лица единственного числа настоящего и будущего времени (~ чув. -*ьp* / -*əp*). Он также регулярно записывается через [-б], ср.:

χvarádib' pres. 1sg. [χварáдыбЪ] 'оставлять' ~ чув. *χ'varad-ьp* тж.;
sist'ér'ib' fut. 1sg. [сыстéрибЪ] 'предупреждать' ~ чув. *sister-əp* тж.

С одной стороны, подобную запись можно объяснить характерной для данного памятника общей тенденцией к выписыванию -*b* в конечной позиции (ср. случаи в исходе глагольной и именной основы). Но, с другой стороны, здесь может идти речь об отражении реальной фонетики чувашских говоров — ср., например, показания более ранних Словарей Миллера и Палласа, где применяются совершенно иные орфографические принципы, но рассматриваемый аффикс регулярно имеет звонкий исход. Возможно, что схожее явление удастся обнаружить и в современных чувашских говорах по итогам их фонетического обследования.

1.1.2. t

1.1.2.1. В анлауте *t* ожидаемо отражается при помощи [m-]:

támik' [тáмыкЪ] 'ад' ~ чув. *tamək* тж.;
taprán' [тапрánЪ] 'двигаться' ~ чув. *tapran-* тж.;
t'úr'üs' [түрюсЪ] 'правильно' ~ чув. *tərəs* тж. и др.

Исключение составляют частица [da] / [de] < рус. да (~ та / те в современном чувашском), а также регулярная передача через [de-] основы te- ‘сказать’. В последнем случае речь идет о том же историческом озвончении в позиции фразового инлаута, которое рассмотрено в пункте 1.1.1.1; чув. te- подпал под этот процесс, будучи частотным глаголом с модальными функциями. Ср. кыпч. *de-, являющееся этимологическим соответствием для рассматриваемой чувашской основы: здесь также отмечается звонкий d- в инлауте при общей его нехарактерности для кыпчакских языков.

1.1.2.2. В интервокальной позиции ожидаемо регулярен [-d-], ср.:

id'ü [идү] ‘вопрос’ ~ чув. *ijdu* тж.;

tadà [мадà] ‘еще’ ~ чув. *tada* тж.;

tuduž [тудужБ] ‘постоянно’ ~ чув. *tǎdǎš* тж.;

in'd'è [иньдè] ‘уже’ ~ чув. *ändə* тж.;

maldán^{abl.} [малдánБ] ‘сначала’ ~ чув. *maldan* тж. и др.

Гемината -tt- только в одном случае — в основе *itti* [имтй] ‘другой’ ~ чув. *itti* тж. — ожидаемо отражается как [-mm-]. Во всех остальных употреблениях на месте -tt- записывается [-dm-], что, вероятно, передает реальное произношение этого сочетания как полувзвонкой геминаты (со звонким приступом и глухим исходом). Ср. *s'üdti*^{3sg.} [сюдтй] ‘свет’ ~ чув. *šutti* тж., а также регулярно следующие аффиксы:

— показатель каузатива -*dtar*^r [-дтарБ] ~ чув. -*ttar* (присоединяется к основам на гласный);

— показатель 2-го лица множественного числа настоящего времени -*dtir*^r [-дтырБ] ~ чув. -*dǎr*, верх. -*ttǎr*;

— показатели сослагательного наклонения -*dtim*^r_{1sg.} [-дтымБ] ~ чув. -*ttǎm* и -*dtin*^r_{2sg.} [-дтынБ] ~ чув. -*ttǎn*.

После сонантов ожидаемый -tt- передается через одинарный [-m-], что отражает хорошо известное и в современном языке сокращение геминаты в этой позиции, ср.:

šojtán^r [шойтánБ] ‘дьявол’ ~ чув. *šojt(t)an* тж.;

bolǎtǎb'e^{part. instr.} [болтǎбе] ‘с наступлением’ ~ чув. *polt(t)ibe* тж.

В кластерах внутри основы *t* регулярно передается как [-m-], ср. *putranmázir*^r_{sup. car.} [путранмáзырБ] ‘волноваться’ ~ чув. *pǎtran-* тж.

1.1.2.3. На конце глагольных основ орфография памятника отражает звонкий -d:

tíd^r [тыдБ] ‘держатъ’ ~ чув. *tít-* тж.;

kidárd^r [кыдáрдБ] ‘показатъ’ ~ чув. *kǎdart-* тж.;

aslád^r [аслáдБ] ‘славить’ ~ чув. *aslat-* ‘расширять’;

kard^r [кардБ] ‘почитатъ, уважатъ’ ~ чув. *kart-* тж. и др.

Случаи перед аффиксальным согласным:

s'id'na^{prf.-part.} [сидьна] ‘достичъ’ ~ чув. *šit-nə* тж.;

k'ürd'rin^r_{pret. 2sg.} [кюрдьрынБ] ‘ввести’ ~ чув. *kǎrt-rən* тж.;

lárdr'e^{pret. 3sg.} [лáрдре] ‘посадить’ ~ чув. *lart-rə* тж.;

tídmás^{neg. pres. 3sg.} [тыдмáсь] ‘держатъ’ ~ чув. *tít-mast'* тж.;

tordmá^{sup.} [тордмá] ‘тянуть’ ~ чув. *tort-ma* тж.

Особым образом в памятнике отражается последовательность -ts-, часто возникающая при спряжении глаголов. Практически всегда она записывается как [-dms-] (с вариантами), т. е. отражается как бы полувзвонкая гемината:

χídsà^{conv.} [хыдмсà] ‘огрубеть’ ~ чув. *χit-sa* тж.;

podtsà^{conv.} [подмсà] ‘тонуть’ ~ чув. *pot-sa* тж.;

irdítsésin^{cond.-part.} [ирдытсэсынБ] ‘пройти’ ~ чув. *irt-sessən* тж., отражается вариант типа *"irdǎtsésən* с разбивкой геминаты редуцированным гласным;

s'ioradtsásin^{cond.-part.} [сiorадтсáсынБ] ‘создавать’ ~ чув. *šorat-sassən* ‘рожать’.

В исходе именных основ регулярно отражается глухой [-m], ср.:

jät^r [ятБ] ‘имя’ ~ чув. *jat* тж.;

torát^r [торáтБ] ‘ветка’ ~ чув. *torat* тж.;

p'it^r [пйтБ] ‘лицо’ ~ чув. *pit* тж.;

kart^r [картБ] ‘заповедъ’ ~ чув. *kart* ‘зарубка’ — данная запись составляет наглядную минимальную пару к приведенному выше [кардБ] ‘почитатъ, уважатъ’.

Исход на *-d* крайне редок. Он встречается, во-первых, в заимствованиях, в том числе ныне освоенных: *sud'* [судЪ], *sódna* _{2sg. dat./acc.} [содна] < рус. суд; *abád'* [абáдЪ] 'еда' < рус. обед при современном чувашском *abat* и др.

Во-вторых, *-d* возможен в служебных словах, ср. *badn'è* _{3sg. dat./acc.} [баднè] 'к (чему-л.)' ~ чув. *patne* тж. (букв. 'в сторону'). В данном случае основа послелога генерализовалась в варианте со звонким, поскольку она значительно чаще употребляется с вызывающими озвончение аффиксами, а не изолированно.

1.1.2.4. В позиции начала аффикса регулярно написание [-ð], ср. отражение показателей местного падежа *-da / -de* [-ða] / [-ðe] и сравнительной степени прилагательных *-daraχ / -dereχ* [-дараχЪ] / [-дерехЪ]. Такое отражение совершенно ожидаемо, поскольку *t* в начале аффикса всегда находится в позиции озвончения (соответствующие варианты аффиксов употребляются только после сонантов).

Что касается позиции в исходе аффикса, то заслуживает внимания отражение показателя настоящего времени 3-го лица единственного числа *-at' / -et*. Наряду с более частотным отражением при помощи [-*m*-] в памятнике встречается и написание [-*адъ*] / [-*едъ*]. Такая запись может быть объяснена с точки зрения исторической грамматики: звонкость отражаемого *-d* обусловлена отпавшим *-ə*, который, кроме того, привел к палатализации предшествующего согласного. Ср. зафиксированные у Н. И. Ашмарина [Ашмарин 1898: 35—36] диалектные формы типа *čobadə* '(он) бежит' наряду с *čobat'*.

1.1.3. k

1.1.3.1. Согласный *k*- в анлаутной позиции регулярно передается при помощи буквы [к-], ср.:

k'ürd'és' _{inf.} [кюрдэсЪ] 'ввести' ~ чув. *kärt-* тж.;

kornat' _{pres. 3sg.} [корнатъ] 'виднеться' ~ чув. *korъn-* тж.;

kalà [калà] 'говорить' ~ чув. *kala-* тж.;

iōzamáškin' _{sup.} [iōзамáшкынЪ] 'исправлять' ~ чув. *jozamaškъn* тж.;

ūpk'ed'èss'e _{pres. 3pl.} [ūпкедэссе] 'обижать' ~ чув. **ūpket-* тж. и др.

1.1.3.2. Одна из характернейших черт орфографии рассматриваемого памятника — это регулярное отражение инлаутного *-g-* (полузвонкого аллофона *k*) через двойное [-*z-*], в то время как при помощи более ожидаемого [-*z-*] передается фрикативный *-γ-* (см. примеры в пункте 1.1.4.2). Помимо «Дня святой жизни...», такое же распределение обнаружено пока еще только для одного чувашского памятника — «Начертания...» В. П. Вишневого [Вишневецкий 1836]. Сразу отметим, что эту орфограмму нельзя считать отражением южнорусской нормы в идиолекте писца, поскольку предполагаемый первопроходец данного приема в чувашской орфографии, В. П. Вишневецкий, имел чувашское происхождение [Родионов 2004], как и, естественно, переводчики «Дня святой жизни...». Схожая в содержательной части орфограмма присутствует в одном из чувашских памятников XVIII в.: см. [Сочинения 1769], где через [-*z-*], опять же, передается чувашский *-γ-*, а взятый из латиницы [-*g-*] записывается на месте ожидаемого смычного *-g-* [Мудрак 2011].

Приведенные орфографические правила представляют важный материал для истории русского языка, показывая, что еще в середине XIX в. фрикативный *-γ-* был орфоэпическим стандартом (по крайней мере, в ряде стилей) для русского (!) [z]. Ср. у Б. А. Успенского о норме XVIII в.: «В церковном чтении (т. е. в соответствии с церковнославянскими орфоэпическими нормами), равно как и в высоком стиле, буква *z* читалась как задненёбный фрикативный звонкий согласный [γ], между тем, в живой русской речи — иначе говоря, в «обыкновенных разговорах» — звучал обычно взрывной [g]». Процесс вытеснения фрикативного [z] взрывным вариантом, добавляет автор, «продолжался еще и в XIX в.» [Успенский 1994: 207].

Ср. примеры на отражение чувашского *-g-* через [-*z-*] в «Дне святой жизни...»:

s'āga [с'āгга] 'вот этот' ~ чув. *šagъ* тж.;

ūg'en'és' _{inf.} [ūггенэсЪ] 'каяться' ~ чув. *ūgъn-* тж.;

v'il'er'eg'én' _{pres.-part.} [вилереггэнЪ] 'убивающий' ~ чув. *vāleregen* тж.;

varganzà _{conv.} [варгганзà] 'мучиться' ~ чув. *vargan-* тж.;

irg'élle _{comit.} [ирггелле] 'порядочный, нормальный' ~ чув. *jārgellə* тж. и др.

Ожидаемая гемината *-kk-* отражается как глухой [-*k-*] с необязательной передачей геминации:

s'ūkūra _{dat./acc.} [с'юкүра] 'хлеб' ~ чув. *šǫgъr*, диал. *šǫkkъr* тж.;

išik'i _{3sg.} [иш'икү] 'нутро' ~ чув. *ǫš-č'ikk'i* тж.;

p'ič'ik'e [п'ич'ике] 'мало' ~ чув. *pǫžək*, диал. *pǫžikkə* 'маленький';

ikk'e [икке] 'два', *ikk'ell'e* _{adv.} [иккелле] 'вдвойне' ~ чув. *ikkə*, *ikkəlle* тж.

Ср. также случаи, где ожидалась бы передача полувзвонкого, но по неясным причинам передается как будто гемината:

ir'ika ^{dat./acc.} [и́рика] ‘воля’ ~ чув. *irəge* тж.;
s'ákin' žin' ^{caus./fin.} [с'я́кинЪ жинЪ] ‘этот’ ~ чув. *šagyn-žyn*, но ср. многократно *s'ägin-* [с'ягын-] тж.

В сочетаниях с другими согласными внутри словоизменительной основы регулярен [к], ср. *s'ekl'en'zè* ^{conv.} [секленьзэ] ‘возникать’ ~ чув. *šaklen-* ‘подниматься’.

1.1.3.3. В исходе глагольной основы *-k* почти всегда отражается как глухой [-к]:

ákrimir' ^{pret. 1pl.} [áкрымырЪ] ‘сеять’ ~ чув. *ak-rətmər* тж.;
tuksà ^{conv.} [туксà] ‘проливать’ ~ чув. *tə̀k-sa* тж.;
t'üksè ^{conv.} [тюксэ] ‘толкать’ ~ чув. *tə̀k-se* тж.

Такое отражение противоречит принятым в памятнике правилам, согласно которым в данной позиции ожидалась бы передача звонкого, ср. пункты 1.1.1.3 и 1.1.2.3. Возможно, здесь на выбор в пользу [-к] повлияла экзотичность сочетания [-гг-], ожидаемого в противном случае, для русской графики. Впрочем, последняя из приведенных выше форм все же встречается в тексте в виде *t'ügsè* [тюггсэ], ср. также *sugsà* ^{conv.} [суггсà] ‘креститься’ ~ чув. *sə̀x-sa*, диал. *sə̀k-sa* тж.

Для исхода именных основ также регулярен [-к], ср.:

s'ändalik' [с'яндалыкЪ] ‘мир, свет’ ~ чув. *šandalək* тж.;
il'ik' [иликЪ] ‘прежде’ ~ чув. *ələk* тж.;
šán'čikn'e ^{3sg. dat./acc.} [шаньчикне] ‘надежда’ ~ чув. *šanžək-ne* тж.

1.1.3.4. Для позиции начала или исхода словоизменительного аффикса *-k-* не характерен.

1.1.4. χ

1.1.4.1. Согласный χ- в анлаутной позиции ожидаемо передается через [x-]:

χuruž' [хуружЪ] ‘боязливый’ ~ чув. *χə̀ružə̀* ‘страшный’;
χorlaniñ' ^{fut. 2sg.} [хорланынЪ] ~ чув. *χorlan-* ‘огорчаться’;
χ'in'ba ^{instr.} [хиньба], *χ'in'zat'* ^{pl.} [хиньзамЪ] ‘мука’ ~ чув. *χə̀p* тж. и др.

1.1.4.2. В интервокальной позиции полувзвонкий -γ- регулярно отражается с помощью [-г-]:

s'ioγadmá ^{sup.} [с'иогадма] ‘терять’ ~ чув. *šoyat-* тж.;
kaγál' [кагалЪ] ‘ленивый’ ~ чув. *kaγal* тж.;
ir'y'i [ирьйи] ‘утренний’ ~ чув. *iryi* тж.;
χolyájä ^{dat./acc.} [холгая] ‘ухо’ ~ чув. *χə̀lyə*, диал. *χolyə* тж. и др.

В нескольких случаях, однако, на месте ожидаемого -γ- записано двойное [-гг-], как будто отражающее смычный -g-:

šógiš' [шóггышЪ] ‘дума, мысль’ ~ чув. *šoyə̀š* тж. — ср. также *šokláče* ^{pret.-mult. 3sg.} [шокилáче] с явным отражением взрывного;

ilganagán'-zan'è ^{pres.-part. dat./acc.} [ылганагганЪ-занè] ‘проклинать’ ~ чув. *ilyan-* тж.;
súgu [с'үггу] ‘крестное знамение’, *sugsà* ^{conv.} [суггсà] ‘креститься’ ~ чув. *sə̀yú < sə̀y-* тж.;
sagatráχ' ^{loc. emph.} [саггагрáχЪ] ‘час’ ~ чув. *seyet*, верх. *saγat* тж. — наряду с более редким *saγat-* [сагам-], отражающим спирант;

bornmálliga ^{part. dat./acc.} [борнмáллыгга] ‘жить’ ~ чув. *porə̀nmal'ə̀yə* тж. — наряду с вариантами *-málliya* [-мáллыга] и *-mállixa* [-мáллыха], отражающими спирант;

pağà [паггà] ‘ценный’ ~ чув. *paγə* тж. — наряду с *paγà* [пагà], отражающим спирант;

pižirgan- [пыжыргган-] ‘огорчаться’ ~ чув. *pə̀žə̀rγan-* тж.;

vúgut' [в'үггутЪ] ‘время’ ~ чув. *və̀yúət* тж.

Не исключено, что в части случаев выписывание [-гг-] ошибочно, но в целом оно вполне может отражать фонетику говора-источника. Ср. зафиксированные в Словаре Н. И. Ашмарина [СЧЯ] варианты некоторых из приведенных слов с отражением смычного в инлауте: *шукáш* ~ *шокáш* ‘мысль’, *сáкá* ‘метка, знак; знамение’ и т. п.

Ожидаемая гемината -χχ- отражается как [-x-]: *vuraχ'i-b'el'e* ^{nom. instr.} [вурáхи-беле] ‘медленный’ ~ чув. *və̀raχixibe* тж.

В консонантных кластерах внутри основы также регулярен [-x-]:

mòx̣ṭiṛ^{imp.-2pl.} [мòх̣тыр̣Б] ‘хвалить’ ~ чув. *mox̣ta-* тж.;

seχṛ'e [сэх̣р̣е] ‘страх’ ~ чув. *seχre* тж. и др.

1.1.4.3. В исходе глагольной основы, как правило, имеет место звонкое отражение при помощи [-z] и значительно реже [x]:

piỵ [пыг̣Б], *piyṣà*^{conv.} [пыг̣с̣à], *piyṃášḳiṇ*^{sup.} [пыг̣м̣áшк̣ын̣Б] ‘смотреть’ ~ чув. *p̣yχ-* тж.;

braỵ [браг̣Б], *braỵṃár'e*^{neg. pret. 3sg.} [браг̣м̣áре] ‘бросать’ ~ чув. *p̣ryaχ-* тж.;

s'irláỵ [сирл̣áг̣Б] наряду с однократным *s'irláχ̣* [сирл̣áх̣Б] ‘помиловать’ ~ чув. *ṣ̌iṛlaχ-* тж.

toyṃášḳiṇ^{sup.} [тог̣м̣áшк̣ын̣Б], *aṇ* *tóyṭiṛ*^{proh.-3sg.} [ан̣Б тог̣тыр̣Б], *tóyriṃ*^{pret. 1sg.} [тог̣рым̣Б] наряду с *toχṇi*^{prf.-part. nom.} [тох̣н̣и] ‘выходить’ ~ чув. *toχ-* тж.;

iōgṣà^{conv.} [iōг̣с̣à] ‘течь’ ~ чув. *joχ-* тж.;

taryṣà^{conv.} [тарг̣с̣à] наряду с *taryṣà*^{conv.} [тарх̣с̣à], *tarχṇi*^{prf.-part. nom.} [тарх̣н̣и] и даже *tarχád'*^{pres. 3sg.} [тарх̣áдь] (глухой перед гласным!) ‘усердствовать’ ~ чув. *tarχ-* тж.

В неглагольном аусллауе -χ обычно отражается как [-x]:

sóriχ̣ [сóriх̣Б] ‘овца’ ~ чув. *soγ̣χ* тж.;

òr'iχ̣ [òрих̣Б] ‘другой’ ~ чув. *oγ̣χ* тж.;

túruχ̣ [тúрух̣Б] ‘по, вдоль; согласно (послелог)’ ~ чув. *ṭṛṛ̣χ̣* тж.;

vil'iχ̣-zen'^{pl.-gen.} [в̣и̣лих̣Б-зэнь] ‘скот’ ~ чув. *vịγ̣χ-sen* тж. и др.

Однако в ряде случаев в именном аусллауе наряду с [-x] отмечаются дублетные записи с [-z]. Ср.:

îṛliỵ [îр̣лыг̣Б], *iṛliỵ* [iṛлыг̣Б] ‘благосостояние’ ~ чув. *iṛḷyχ* ‘благо’ — наряду с *'iṛliχ̣* [ḅiṛлых̣Б];

χórḷiỵ [χóрлыг̣Б] ‘горе, несчастье’ ~ чув. *χoṛḷyχ* тж. — наряду с *χórḷiχ̣* [χóрлых̣Б];

χàliỵ [χàлыг̣Б] ‘народ’ ~ чув. *χaḷyχ* тж.;

sumáỵ [сум̣áг̣Б], *sumáỵ* [сум̣áг̣Б] ‘слово’ ~ чув. *ṣṃtaχ* тж. — наряду с *suṃáχ̣* [сум̣áх̣Б];

s'iliỵ [с̣и̣лыг̣Б] ‘грех’ ~ чув. *ṣ̌iḷyχ* тж. — наряду с *s'iliχ̣* [с̣и̣лых̣Б].

Причины такого варьирования в записи пока не вполне ясны. Едва ли возможно объяснять его смешением в памятнике данных различных говоров, поскольку в целом с точки зрения представленных языковых реалий «День святой жизни...» достаточно единообразен. Скорее приходится говорить о нерегулярностях в орфографии, обусловленных отсутствием признанного к тому времени общечувашского стандарта.

1.1.4.4. Для позиции в начале словоизменительного аффикса χ- не характерен. В конечной позиции данный согласный представлен в энклитической частице -eχ, которая записывается с колебанием [-eχБ] ~ [-eгБ].

1.1.5. s

1.1.5.1. Согласный s в начальной позиции регулярно записывается через [c-]:

saṇ [сан̣Б] ‘твой’ ~ чув. *san* тж.;

sív'e [с̣ы̣ве] ‘холод’ ~ чув. *sivə* тж.;

s'ün'ét'^{pres. 3sg.} [с̣ю̣н̣ẹ́ть] ‘гаснуть’ ~ чув. *sün-* тж. и др.

1.1.5.2. В интервокальной позиции ожидаемый -z- регулярно передается при помощи [-z-]:

tazád'e^{fut. 3sg.} [таз̣áде] ‘очистить’ ~ чув. *tazat-* тж.;

s'ükl'ez'è^{conv.} [с̣ю̣клез̣è] ‘поднять’ ~ чув. *ṣ̌äkle-* тж.;

s'ülzà^{conv.} [с̣ю̣лз̣à], *s'ülzám'*^{emph.} [с̣ю̣лз̣áṃБ] ‘спасти’ ~ чув. *ṣ̌öl-* тж. и др.

Гемината -ss- (обычно встречается в аффиксах или на стыке основы и аффикса) записывается как глухой с необязательным отражением долготы, причем за определенными аффиксами довольно жестко закреплено написание через одинарную или двойную [c]. Ср., с одной стороны, склоняемые формы инфинитива на -as, где почти регулярно [-cc-]:

s'ulássa^{inf. dat./acc.} [с̣ю̣лáсса], *s'ülásṣi*^{inf. nom.} [с̣ю̣лáсс̣и] ‘спасать’ ~ чув. *ṣ̌õlassa*, *ṣ̌õlassi* тж.;

bornássa^{inf. dat./acc.} [бор̣нáсса], *bornásṣi*^{inf. nom.} [бор̣нáсс̣и] ‘жить’ ~ чув. *poṛõnassa*, *poṛõnassi* тж. и др.

С другой стороны, аффикс условно-временного причастия -sasṣən / -sesṣən генерализован в варианте с отражением одинарного согласного на месте геминаты:

vuranzásin^c cond.-part. [вуранзасынЪ] ‘пробуждаться’ ~ чув. *vʹranzassɛn* тж.;
d'ezésin^c cond.-part. [дэзэсынЪ] ‘сказать’ ~ чув. *tezessɛn* тж. и др.

По неясным причинам ожидаемая гемината передается при помощи [-зс-] в ряде именных форм, где гемината появляется в результате присоединения показателя принадлежности 3-го лица к основе с исходом на гласный:

ozsì^c 3sg. [озсы] ‘польза’ ~ чув. *ossi* от *ozъ* тж.;
azzsazan'è pl.-dat./acc. [азсызанè] ‘выродок, ублюдок’ ~ чув. *assi* (лексикализованная форма 3sg. от *азъ) тж.

Ср. форму *ózsilli* comit. [óзсыллы] ‘полезный’ ~ чув. *ozъllъ*, где как [-зс-] и вовсе отражается ожидаемый -z-. В кластерах с другими согласными регулярен [с], ср. *osrà* [осрà] ‘хранить’ ~ чув. *osra-* тж.

1.1.5.3. В исходе глагольных основ чаще записывается [-з] и реже [-с], ср.:

puzsà conv. [пузсà] ‘портить’ ~ чув. *pʹs-* тж.;
pozsa conv. [позсà] наряду с *posmallì* debt. nom. [посмаллы] ‘давить’ ~ чув. *pos-* тж.;
siz'sén^c cond.-part. [сызьсэнЪ] наряду с *sis'm'éskin*^c sup. [сысьмэшкынЪ] ‘чувствовать’ ~ чув. *sis-* тж.;
čuzsà conv. [чузсà] ‘тянуть’ ~ чув. *čʹs-* тж. и др.

В исходе именных основ регулярно отражается -s:

us^c [усЪ], *usn'è* 3sg. dat./acc. [уснè] ‘ум’ ~ чув. *ʹs* тж.;
t'úr'üs^c [тjóрюсЪ] ‘правильный’ ~ чув. *tʹrʹs* тж. и др.

Однако в ряде случаев на месте ожидаемого -s в данной позиции отмечается как бы запись палатального -ʃ, что отражает диалектное развитие:

s'áramáz^c [сјрамáзь] ‘голый’ (со звонким отражением!) ~ чув. *šaramas*, диал. *šaramaš* тж.;
kr'es^c [кресъ] ‘крест’ ~ чув. *čʹres*, диал. *čʹreš* тж. < рус. *крест*.

1.1.5.4. Аффиксы, начинающиеся на *s*, часто генерализованы в глухом или звонком написании независимо от контекста или при минимальном его влиянии, ср. именной показатель множественного числа *zam*^c pl. [замЪ] (даже после глухого исхода основы) и аффикс деепричастия *-sa* [-ca] (в т. ч. после звонкого шумного на конце основы; после гласных и сонантов выступает, однако, вариант *-za* [-za]). Для последнего встречается также вариант *-ša* [-ua] — результат ассимиляции после основ с исходом на -š ([*-жс*] в орфографии памятника): ср. *olž-šà* conv. [олжшà] ‘меняться’ ~ чув. *olʹš-sa* тж.

В позиции на конце основы -s регулярно передается через [-с], ср. аффикс инфинитива *-as* / *-es*, который записывается как [-асЪ] / [-есЪ].

1.1.6. š

1.1.6.1. Согласный *š*- в анлаутной позиции регулярно передается как [*ш*-], ср.:

šušm'en^c [шүшмэнь] ‘мгновение’ ~ чув. диал. *šüşmen* тж.;
šált^c [шáлтЪ] ‘совсем, окончательно’ ~ чув. *šalt* тж.;
šiklán^c [шиклánЪ] ‘опасаться, остерегаться’ ~ чув. *šiklen-* тж. и др.

1.1.6.2. В интервокальной позиции регулярно выступает полувзвонкий *-ž-*, который отражается на письме как [*-жс-*]:

úžu [úжу] ‘теплый’ ~ чув. *ʹžʹ* тж.;
pižirgánna prf.-part. [пыжыргáнна] ‘огорчаться’ ~ чув. *pʹžʹryan-* тж.;
olžulla comit. [олжүлла] ‘переменчивый’ ~ чув. *olʹžullъ* тж. и др.

Гемината *-šš-* обычно передается через одинарный [*ш*-]:

itlaši [итлашш] ‘слишком’ ~ чув. *itlašši* тж.;
ʹiši 3sg. [ʹишш] ‘разновидность’ ~ чув. *jišši* тж.

Интересно отражение ожидаемого *-šš-* как [*-си-*] в следующем случае: *ásše-* [áсие-] ‘его отец’, *aslásše-* [аслáсие-] ‘его дед, прародитель’ ~ чув. *aššə*, *aslaššə* тж. Возможно, здесь отражен некоторый диалектный вариант данной основы.

В кластерах с другими согласными внутри основы регулярен [*ш*-]: *kštáχ*^c emph. [кштáхЪ] ‘немного’ ~ чув. *kʹštaχ* тж.

1.1.6.3. В исходе глагольных основ ожидаемый *-š* чаще отражается как звонкий [-ж] и значительно реже как [-ш]:

χοῡσὰ conv. [χοῡσὰ], *χοῡνα* prf.-part. [χοῡνα], *χοῡνῖ* prf.-part. nom. [χοῡνῖ] ‘велеть’ ~ чув. *χοῡ-sa*, *χοῡ-нь*, *χοῡ-ni* тж.;
χοῡσὰ conv. [χοῡσὰ] ‘добавлять’ ~ чув. *χοῡ-sa* тж.;
ποῡλμαῡσκῖν sup. [ποῡλμαῡшкынБ], *ποῡλmallῖ* debt. nom. [ποῡлжмаллы], *ποῡλkalás* iter. inf. [ποῡлжкаласБ],
ποῡλнарῖ prf.-part. abl. [ποῡлжнаранБ] ‘помогать’ ~ чув. *ποῡλš-маῡшкῖн*, *ποῡλš-malli*, *ποῡλš-kalas*, *ποῡλš-ньῖ* тж.;
οῡλš-à conv. [οῡлжшà-] наряду с *οῡλšmannῖ* neg. prf.-part. nom. [οῡлшманны] ‘меняться’ ~ чув. *οῡλš-sa*, *οῡλš-manni* тж.;
ρ'ερ'εῡμ'ε sup. [перлежмè], *ρ'ερ'εῡμ'εs* neg. pres. 3sg. [перлежмèсь] ‘общаться’ ~ чув. *ρ'ερ'εῡμ-ε*, *ρ'ερ'εῡμ-εs* ‘объединяться’;
χοῡδῡμα sup. [ходжма] ‘смешиваться’ ~ чув. *χοῡδῡ-ма* тж.;
ταῡναῡμα sup. [танажма] ‘сравниваться’ ~ чув. *ταῡнаῡ-ма* тж.;
κ'ιλ'ῡна prf.-part. [κῖльжна] наряду с *κ'ιλ'ῡна* prf.-part. [κῖльшина], *κ'ιλ'ῡнῖ* prf.-part. nom. dat./acc. [κῖльшыныне] ‘сравниваться’ ~ чув. *κῖλš-нə*, *κῖλš-нῖ* тж.;
ταῡλῡшῖ prf.-part. nom. [талашны] ‘ссориться’ ~ чув. *таῡлашῖ* тж.

Интересны частотные слова *κ'ιλ'ῡстер*- [κῖльштер'-] ‘соглашаться’ и *ταῡнаῡμα*- [танашмап-] ‘сравнивать’: оба с показателем каузатива *-ter / -tar* и с отражением последнего корневого согласного через [-ш-]. Их пример показывает, что тенденция к звонкому исходу глагольной основы не распространяется на случаи перед словообразовательным аффиксом (а каузатив в чувашском имеет черты такового), поскольку в таком случае формируется расширенная словоизменительная основа и согласный в указанной позиции ведет себя в соответствии с обычными правилами распределения звонких и глухих вариантов внутри основы.

Отражение в памятнике именных основ с исходом на *-š* составляет довольно сложную картину. По умолчанию для них ожидалась бы передача при помощи [-ш], и несколько таких случаев отмечаются в тексте:

ερ'εῡš [эрэшБ] ‘узор’ ~ чув. *ereš* тж.;
κανῡš [канашБ] ‘совет’ ~ чув. *kanaš* тж.;
šóγιš [шóггышБ] наряду с *šóγιž* [шóггыжБ] ‘мысль’ ~ чув. *šóγῡš* тж.;
тῡдуš [тῡдушБ] наряду с *тῡдуž* [тῡдужБ] ‘постоянно’ ~ чув. *тῡдῡš* тж.

Однако в большинстве случаев в исходе именных основ неожиданно появляется [-ж]:

ῖž [ῖжБ] ‘нутро’ ~ чув. *ῡž* тж.;
б'ил'ῖž [бῖлижБ] ‘знакомый’ ~ чув. *ρ'εῡлš* тж.;
ῖoldῡž [ῖoldῡжБ] ‘друг, товарищ’ ~ чув. *joldῡš* тж.;
χῡž - *χῡž* [χῡжБ-хῡжБ] ‘какой-либо’ ~ чув. *χῡš* ‘который’;
л'εῡž [лῡжБ] ‘тот’ ~ чув. *leš* тж.;
čῖrž [чῖржБ] ‘ель’ ~ чув. *čῡrῡš* тж.;
ρ'ólž [ρ'ólжБ] ‘помощь’ ~ чув. *ρ'olš* тж.;
сῖν'ῖž [сῖν'ῖжБ] ‘дух’, *сῖν'ῖž* [сῖν'ῖжБ-] ‘воздух’ ~ чув. *сῖν'ῡš* ‘дух, воздух’.

В первых трех случаях отражение звонкого может быть объяснено тем, что данные основы редко употребляются изолированно по сравнению с формами, снабженными аффиксом принадлежности, который вызывает озвончение последнего согласного основы. В примерах [χῡжБ-хῡжБ] и [лῡжБ] выписывание [ж] обусловлено тем, что здесь отражены субстантивированные формы *χῡžə* и *лῡžə*; ср. также [чῖржБ], где отражен диалектный вариант с метатезой *čῡrž*. В случае [ρ'ólжБ], возможно, произошло смешение с омонимичным глаголом *ρ'olš*- ‘помогать’, который в орфографии памятника должен был бы отражаться именно со звонким на конце основы. Выписывание [ж] при отражении чув. *сῖν'ῡš* неясно, здесь нельзя исключать действие аналогии.

1.1.6.4. Согласный *š*- содержится в показателе причинно-целевого падежа *-šῡн / -šῡп*, который в данном памятнике генерализован в варианте [-жинБ].

1.1.7. *š*

1.1.7.1. Палатальный фрикативный *š*- в анлаутной позиции ожидаемо отражается как [c'-], т. е. его мягкость передается по правилам русской орфографии — за счет йотации последующего гласного. Ср.:

с'ῡврῡма sup. [сῡврῡма] ‘обратиться’ ~ чув. *šῡвр-* тж.;
с'ῖрлῡја dat./acc. [сῖрлῡја] ‘ягода’ ~ чув. *šῖрла* тж.;

s'üm'er'zè- conv. [сюмерьзэ-] 'ломать' ~ чув. *šätär-* тж.;
s'ölim'ra loc. [сöлымЪра] 'пламя' ~ чув. *šol'm* тж. и др.

1.1.7.2. В интервокальной позиции полузвонкий *-z-* передается при помощи [з'-]:

hoz'in'e 3sg. dat./acc. [хозине] 'хозяин' ~ чув. *hoza* тж.;
tärz'a zam' pl. [тärзя замЪ] 'слуга' ~ чув. *tarzъ* тж. и др.

Геминаты отражаются достаточно разнообразно. Примеры на ожидаемую запись при помощи [-cc'-]:
v'iss'e [ви́ссе] 'три' ~ чув. *viššä* тж. с производными,
 а также многочисленные глагольные формы на *-aššä* pres. 3pl. с регулярной записью через *-ass'e* [-acce].

Варианты [-zc'-] ~ [-zbc'-] отмечаются на морфемной границе при записи послелога *chišš-än* adv. 'послед': *chiz()'s'in'* [хи́з(б)синЪ]. Ср. пункт 1.1.5.2, где приводятся случаи отражения геминаты *-ss-* с помощью [-zc-] в аналогичной позиции.

Запись [-сьс'-] при отражении глагола *poš-šap-* 'кланяться' обусловлена морфологическим принципом: поскольку записывающий сознавал составной характер этого слова (*poš* 'голова' + *šap-* 'бить'), то и отражается не цельная гемината, а каждый из *š* по отдельности.

Отдельный интерес представляет позиция ожидаемого *-z-* после *-n-*. В реконструируемом говоре-источнике памятника действует особое правило, согласно которому пратюркское сочетание **nc'* переходит в *-nz-*, в то время как в литературном чувашском и в большинстве прочих говоров данное сочетание упрощается в *-z-*. Ср.:

t'em'inzè [теминзэ] 'сколько-то' ~ чув. *temize* тж.;
hozè [хонзэ] 'когда' ~ чув. *hözan* тж.

Ср. также развитие пратюркского сочетания **nc'*, также развивающегося в *-nz-* в говоре памятника, но дающего *-nz-* в других говорах: *inzè* [инзэ] 'далеко' ~ чув. *inze* тж.

В сочетаниях с другими шумными согласными внутри основы *-š-* в тексте памятника не обнаружен.

1.1.7.3. В исходе глагольной основы *-š* передается при помощи [-зъ], ср.:

s'öraz' [сöразь] 'мириться' ~ чув. *šoraš-* тж.;
an' s'ib'iz' proh. [анЪ сибизь] 'пристать' ~ чув. *šibš-* тж.

В формах с аффиксацией, однако, наряду с [зъ] появляется [сь]:

jatlaz'sä conv. [ятлазьсә] при *jatlas'nì* prf.-part. nom. [ятласьнй] 'браниться' ~ чув. *jatlaš-sa, jatlaš-ni* тж.;
oz'má sup. [озьмá], *oz'sä* conv. [озьсә] 'открывать' ~ чув. *oš-ma, oš-sa* тж.;
kalaz'mállix' part. [калазьмáллыхЪ] наряду с *kalašnizan'e* prf.-part. nom. pl.-dat./acc. [каласьнйзане] 'разговаривать' ~ чув. *kalaš-malъx, kalaš-nizene* тж.;
kaz'mállix' part. [казьмáллыхЪ] наряду с *kas'mállix'* part. [касьмáллыхЪ] 'быть прощенным' ~ чув. *kaš-malъx* тж.;
vurz'ni-ran' prf.-part. nom. abl. [вурзьнй-ранЪ] 'ругаться' ~ чув. *vürš-nъ-ran* тж.;
iz'm'ell'i debet. nom. [изьмелли] наряду с *is'm'è* sup. [исьмè] 'пить' ~ чув. *aš-melli, aš-me* тж.;
s'ib'iz'na prf.-part. [сибизьна] 'пристать' ~ чув. *šibš-nъ* тж. и др.

В исходе именных основ наблюдается колебание между [сь] и [зъ]:

s'üz' [сюзь] 'волосы' ~ чув. *šiiš* тж.;
v'is' [вись] 'конец' ~ чув. *vəš* тж.;
kas' [кась] наряду с *kaz'* [казь] 'вечер, ночь' ~ чув. *kaš* тж.;
koz' [козь] 'глаза' ~ чув. *koš* тж.;
pos'- [пось-] наряду с *roz'ran'* abl. [позь ранЪ] 'голова' ~ чув. *poš* тж.;
-s'im'is' [-сймись] 'еда' ~ чув. *šiməš* 'плод';
börniz' [бörnизь] 'жизнь' ~ чув. *porňš* тж.;
χ'is' [хись] 'меч' ~ чув. *χəš* тж.;
iz' [изь] 'труд, дело' ~ чув. *aš* тж. и др.

Причины такой двоякой передачи не вполне ясны. В принципе допустимо объяснение в рамках исторической фонетики, согласно которому вариант [-зъ] появляется на месте чув. *-š < ПТю *č'*, в то время как [-сь] ~ *-š* — из пратюркских сочетаний типа **č'*, **š'*. Ср. наблюдающееся в Словаре Палласа различие: [-сь] на месте ПТю **č'*, но [-сЪ] ~ *-š* из сочетаний [Савельев 2014: 76]. В «Дне святой жизни...» есть исключения из данного распределения: например, при отражении *šiməš* 'плод' ожидалась бы запись

через [-зь], поскольку в пратюркском здесь имеет место сочетание **lč*. Можно предположить, что историко-фонетическое распределение, действующее у Палласа и в «Дне святой жизни...», во втором случае вступило в конфликт с принятой орфографией (а именно с тенденцией к отражению глухого исхода в именных основах), результатом чего и стала некоторая непоследовательность.

1.1.7.4. Для позиции начала слога в составе словоизменительного аффикса *ɣ*- не характерен. В исходе аффиксов регулярен [-сь], ср. отражение показателя будущего и прошедших времен 3-го лица множественного числа -*əɣ*: [-есь] ~ [-ись].

1.1.8. ĉ

1.1.8.1. В анлаутной позиции ĉ- ожидаемо передается при помощи [ч-]:

čir' d'en' ^{abl.} [чирь день] 'болезнь' ~ чув. *čir* тж.;

čópn'e ^{3sg. dat./acc.} [чóнне] 'душа' ~ чув. *čon* тж.;

čarmà ^{sup.} [чармà] 'прекращать' ~ чув. *čar-* тж. и др.

1.1.8.2. В интервокальной позиции палатальная аффриката записывается как [-ч-]. Ср.:

ačám' ^{1sg.} [ачámБ] 'ребенок' ~ чув. *ažam* тж.;

jáče ^{3sg.} [яче] 'имя' ~ чув. *jažə* тж.;

šán'čikn'e ^{3sg. dat./acc.} [шáньчикне] 'надежда' ~ чув. *šanžьkne* тж.;

k'il'in'čen' ^{3sg. abl.} [кйлинчень] 'дом' ~ чув. *kilənžəp* тж. и др.

В целом в старописьменных памятниках чувашского языка русская буква [-ч-] используется для передачи как чувашской аффрикаты ĉ, так и ее полувзвонкого варианта -č̣-. В случае с «Днем святой жизни...» вероятны оба варианта. Если за [-ч-] кроется полувзвонкая аффриката, то это общечувашская ситуация (см. примеры выше). Однако нельзя исключать и того, что [-ч-] отражает интервокальный глухой (!) ĉ. Такая ситуация известна для малокарачинского наречия: ср. транскрипцию *ача* 'ребенок' с соответствующей географической пометой в [СЧЯ II: 156], где [ч] — именно глухая аффриката, а для полувзвонкого варианта в транскрипциях используются специфические значки .

Ожидаемая гемината -čč- регулярно передается при помощи одинарного [-ч-]:

p'ičen'z'i ^{adv.} [пиченьзи] 'одинокий' ~ чув. *pəččənzi* тж.;

b'ičiža ^{3sg. dat./acc.} [бичижса] 'брат' ~ чув. *piččəš-* тж. и др.

Одинарный [-ч-] регулярен при записи аффикса -ččə (-če [-че], употребляется при образовании сложных времен и наклонений), показателя 3-го лица множественного числа императива -ččər (-čir' [-чирБ]) и показателя формы предельности на -ččən (-čən' [-чень]). Однако в глагольных формах на -iččən (например, *vil-iččən* 'прежде чем умереть') последний сегмент записывается как [-дъчень]. По-видимому, дело в ложном морфологическом членении: записывающий счел, что данная форма образована путем сложения формы *vilet* ^{pres. 3sg.} '(он) умирает', которая по правилам памятника отражалась бы с исходом на [-едь], и упомянутого -ččən. На самом деле ее следует раскладывать следующим образом: *vil-* 'умирать' + показатель возможности -i- + показатель предельного квазипадежа -ččən тж.

В консонантных сочетаниях внутри основы -č- не отмечен.

1.1.8.3. В позиции начала или конца аффикса, кроме рассмотренных выше случаев с геминатой, -č- не отмечен.

1.1.9. Сонанты

Отражение сонантов в рассматриваемом памятнике вполне тривиально. Палатальный *j*- передается при помощи йотированных гласных в начале слога и как [й] в конечнослоговой позиции; согласные *v*, *r*, *l*, *n*, *m* отражаются при помощи [e], [p], [l], [n] и [m] соответственно.

Отдельного рассмотрения заслуживают некоторые фонетические процессы, которые нашли отражение в орфографии памятника. Прежде всего это отмечаемое в некоторых случаях стяжение сочетаний с йотом: *soll'ä-* [соля-] 'выбирать' ~ чув. *sojla-* тж. Ср. также формы с развитием сочетания *-*jr-*:

kajr'än' [кайрянБ] 'потом' ~ чув. *kajran* тж.;

sajr'ä [сайря] 'редкий' ~ чув. *sajra* тж. и др.

В современных верховых говорах чувашского языка хорошо известно стяжение -*jr-* > -*r-*; в памятнике же, судя по этим записям, зафиксирована промежуточная стадия этого развития в виде -*jr'*-.

Кроме того, в говоре-источнике наблюдается широко распространенное по чувашским говорам развитие $-vl- > -(l)l-$, ср. примеры:

jōrállin'e nom. dat./acc. [*jōrállыне*] ‘пригодный’ ~ чув. *joravlʔ* тж.;
talášni prf.-part. nom. [*талáшны*] ‘ссориться’ ~ чув. *tavlaš-* тж.

В целом отражение консонантизма в «Дне святой жизни...» представляет собой достаточно сложную картину. Особенно труден для разбора шумный консонантизм. Фонотактические распределения, известные по современному чувашскому языку, выдерживаются здесь лишь отчасти. На них накладываются явления историко-фонетического порядка, а также морфологический принцип, то есть тенденция к унифицированному написанию морфем независимо от других факторов.

В *Таблице 2* подсчитаны звонкие и глухие отражения шумных согласных в ауслатной позиции (как наиболее сложной для анализа). Сначала указывается число отмеченных словоформ с соответствующей реализацией, далее через косую черту приводится количество лексем, на которые приходятся эти словоформы.

Таблица 2

	б	п
глаголы	6 / 3	0 / 0
имена	6 / 5	5 / 4
	д	т
глаголы	21 / 16	0 / 0
имена	21 / 16	28 / 18
	гг	к
глаголы	0 / 0	0 / 0
имена	2 / 2	46 / 32
	з	с
глаголы	0 / 0	0 / 0
имена	3 / 3	23 / 14
	з'	с = с'
глаголы	2 / 2	0 / 0
имена	13 / 11	10 / 7
	ж	ш
глаголы	0 / 0	0 / 0
имена	30 / 15	5 / 2
	г	х
глаголы	10 / 4	1 / 1
имена	20 / 14	24 / 16

Данная таблица наглядно демонстрирует, что отражение звонкого или глухого в исходе основы зависит от ее частеречной принадлежности. Чистых глагольных основ в памятнике мало, но среди имеющихся практически регулярны звонкие ауслаты. На конце именных основ, напротив, для 4 из 7 фонем преобладают — иногда в очень большой степени — глухие ауслаты; в двух случаях звонкие и глухие отражения сопоставимы. Только в одном случае, при отражении *ш*, звонких отражений значительно больше, чем глухих, но см. об этом пункт 1.1.6.3.

1.2. Вокализм

Гласные полного образования

1.2.1. -а-

1.2.1.1. Чувашский гласный *-а-* в большинстве случаев ожидаемо и регулярно отражается при помощи [a], ср.:

aptramázir' sup. car. [*аптрамáзырЪ*] ‘тушеваться’ ~ чув. *ap(ʔ)ramazʔr* тж.;
astù [асту] ‘помнить’ ~ чув. *astu* тж.;
onaškál' [онашкálЪ] ‘такой’ ~ чув. *onaškal* тж.;

χoráv' [χорáвБ] 'ответ' ~ чув. *χorav* тж.;
čorà [чорà] 'раб' ~ чув. *čora* тж.;
jolà [юлà] 'обычай' ~ чув. *jõla* тж. и др.

1.2.1.2. В положении после палатальных согласных *j*- и *ʒ*- (*z*-) по правилам русской орфографии *-a* записывается через [-я-]:

jäbalin'e ^{3sg. dat./acc.} [ябалы́не] 'вещь' ~ чув. *jabala* тж.;
tojändarmä ^{sup.} [тояндармá] 'снабдить' ~ чув. *tojandar-* тж.;
kajà ^{dat./acc.} [кая] 'назад' ~ чув. *kaja* тж.;
s'ävnbalà ^{instr.} [съявнбалà] 'поэтому' ~ чув. *ʒavñbala* тж.;
kaz'árčir' ^{imp.-3pl.} [казя́рчирБ] 'простить' ~ чув. *kazar-* тж.;
bórniz'ä ^{dat./acc.} [бóрнызя] 'жизнь' ~ чув. *por(ь)ньза* тж. и др.

Аналогичное отражение *-a* в этой позиции характерно, по-видимому, для всех кириллических памятников чувашского языка старописьменной эпохи — по крайней мере, неизвестны памятники, где использовался бы иной орфографический прием. При этом в позиции после *č*-, также по правилам русской орфографии, в рассматриваемом источнике записывается [-a-] вместо [-я-]:

čartmä ^{sup.} [чармá] 'прекращать' ~ чув. *čar-* тж.;
an'čáχ' [аньчáхБ] 'только; но, однако' ~ чув. *anžax* тж. и др.

1.2.2. -e-

1.2.2.1. В абсолютном начале слова ожидаемый *e*- регулярно передается через [э-], ср.:

eb' [эбь], *eb'* [эбБ] 'я', *éb'er'* ^{pl.} [эберБ] 'мы' ~ чув. *ebə*, *ebər* (верх. *ebər*) тж.;
ez' [эзБ] 'ты', *ézir'* ^{pl.} [эзырБ] 'вы' ~ чув. *eza*, *ezir* (верх. *ezər*) тж.;
ed'ém' [эдэмБ], *ed'émín'* ^{gen.} [эдэмынБ], *ed'ém'ä* ^{dat./acc.} [эдэмя] 'человек' ~ чув. *edem* тж.;
el'ék' [элэкБ] 'клевета, навет' ~ чув. *elek* тж.;
err'in' [эппинь] 'итак' ~ чув. *errin* тж.;
er'n'è [эрнè], *ern'è* [эрнè] 'даже если' ~ чув. *erne* тж.;
eχ' [эхБ] 'эх (межд.)' ~ чув. *eχ* тж.

Кроме того, при консонантном исходе предыдущей морфемы как анлаутный записывается *-e-* в составе усилительной частицы *-eχ*:

us' in'čen'-èχ' ^{3sg. abl. emph.} [усБ иньчень-эхБ] 'ум' ~ чув. *ǔzanžen-eχ* тж.;
s'ir'd'én'-eχ' ^{abl. emph.} [сирьдэнь-эхБ] 'земля' ~ чув. *sǝrden-eχ* тж. и др.

Имеет смысл проследить историю отражения анлаутного *e*- в чувашских старописьменных памятниках. Так, в «Сочинениях, принадлежащих к грамматике чувашского языка» [Сочинения 1769] в этой функции регулярно используется [a-]. В Словаре Палласа [СС 1787, 1789] отмечается колебание [a-] и [э-], но первый вариант доминирует. Для «Краткого катехизиса» [Катехизис 1788], по предварительным выкладкам, регулярен [a-]. В «Начертании...» [Вишневский 1836] наблюдается интересное распределение, согласно которому в личных местоимениях 1-го и 2-го лица выписывается [a-], в то время как в заимствованиях регулярен [э-]. Чувашский перевод «Дня святой жизни...» с его регулярным [э-], таким образом, противопоставлен в данном отношении более ранним памятникам. Как известно, этот же способ отражения начального *e*- использовался также в орфографии И. Я. Яковлева и дошел в итоге до наших дней.

В связи со сказанным встает вопрос: является ли широкое использование [a-] на месте *e*- в более ранних памятниках отражением значимой фонетики, или же это только орфографический прием, обусловленный тем, что буква [э-] в тот период еще не была до конца освоена? С одной стороны, *e*- в чувашском имеет более открытую артикуляцию по сравнению с его русским эквивалентом, и особенно сильно это проявляется именно в анлауте [Сергеев 1992: 58—59]. Но, с другой стороны, нельзя не принимать во внимание фактор необычности [э-] (в русский алфавит эта буква введена только в 1708 г.) и неустойчивости ее значения: к примеру, в Словаре Палласа, согласно предписаниям редактора, данную букву следует читать как *-ö-*, хотя в чувашских записях она фактически используется в значении *e-*, см. [Савельев 2014: 121]. Для решения данного вопроса особое значение имеют показания латинографических памятников чувашского языка, не разделяющих орфографических трудностей кириллицы. Так, регулярная передача анлаутного *e*- через [a-] в Словаре Миллера (1740-е гг.), где чувашский материал записан на основе немецкой орфографии, может указывать на то, что в XVIII в. этот чувашский гласный действительно имел более открытый характер ("ä-), но к XIX в. произошло его сужение ("e-).

В «Дне святой жизни...», на первый взгляд, неожиданно выписывание [a-] в слове *amál'* [амáлЬ], *amála* dat./acc. [амáла], *amál'zam'* pl. [амáлЬзамЬ] 'средство' ~ чув. *emel* 'лекарство, снадобье'. Однако нет необходимости предполагать здесь уникальное отражение *e-* через [a-], поскольку в верховых говорах данная основа бытует как раз в заднерядном варианте *amal* ~ *amał*.

Среди отражений местоимения *ezir*, верх. *ezar* 'мы' — наряду с очень частотными формами типа *ézir'* [эзырЬ] — есть единожды употребленное *ser'* [сэрь]. Эта запись передает форму северо-западного (малокарачинского) наречия чувашского языка типа *ser*, т. е. без дейктического *e-*. Об уникальном отражении в этом слове ПТю **ε* см. отдельно в пункте 1.2.6.2.

1.2.2.2. При отражении неанлаутного *-e-* для старописьменных памятников характерны конкурирующие [e] ~ [я] с несколько различными закономерностями распределения. В «Сочинениях...» в инлауте чаще используется [e], реже — [я], а в абсолютном конце слова — только [я]. В Словаре Палласа наблюдается интересная система, в рамках которой внутри словоизменительной основы регулярен [e], в ауслауте — [я]; внутри флексий эти варианты распределены, по-видимому, диалектально. Предварительно можно сказать, что и другим кириллическим памятникам XVIII — начала XIX в. свойственно отражать через [e] инлаутный *-e-* и через [я] — ауслаутный.

Иная ситуация — в чувашском переводе «Дня святой жизни...». Буква [я] на месте ожидаемого *-e-* здесь тоже встречается, но таких форм в расписанной части памятника менее 50-ти при общем количестве уникальных форм с неначальным *-e-* примерно в 1300. Таким образом, орфография памятника приближается к яковлевской и современной, где [e] в данном фонетическом значении регулярен. Строгого распределения между [я] и [e] нет: почти все контексты с [я] имеют дублетные отражения с [e]. Случаи, где выписывается [я], можно сгруппировать следующим образом.

1) На конце основы, в т. ч. перед аффиксами, в словах *čir'à* [чиря] 'сердце' ~ чув. *čäre* тж., *čil'y'à-* [чильгя-] 'язык' ~ чув. *čälγe* тж. При этом оба слова имеют и графические варианты с [e], употребляемые в тех же контекстах: *čir'é* [чирэ], *čil'y'è-* [чильгè-]. Любопытно, что открытый гласный *-e-*, который, по-видимому, скрывается за [я], фактически приводит к ломке сингармонизма, требуя после себя аффиксов в заднерядном варианте, ср. *čir'én'e* [чирэне] ~ *čir'ána* [чиряна] при чув. *čäre-ne* dat./acc. 'сердце', *čir'èren'* [чирэрень] ~ *čir'aran'* [чиряранЬ] при чув. *čäre-ren* abl. тж.

Едва ли сюда относятся случаи *barn'à* [барня] 'подарок' ~ чув. *parŋe* тж., *s'amz'à* [смязя] 'мягкий' ~ чув. *šetze* тж., *sojáz'e* [соязе] 'лжец' ~ чув. *sojeş* (< *soja* 'ложь' + аффикс имени деятеля *-zə*) тж., поскольку для верховых говоров обычны более архаичные заднерядные варианты *barŋa*, *šamza*, *sojaş*.

2) Внутри словообразовательных аффиксов: частотная основа *k'il'án-* med. [килян-] 'наслаждаться' ~ чув. *kil-en-* тж., где выписывание [я] регулярно, а также *s'ir'ipl'án-* dnv. [сириплян-] 'укрепляться' ~ чув. *širəp-len-* тж. и *v'iz'är'-* caus. [визарь-] 'отцеплять' ~ чув. *vəz-er-* тж. Однако последние аффиксы гораздо чаще встречаются в варианте с [-e-], т. е. [-лен(ь)-] и [-ер(ь)-] соответственно.

3) В части отражений переднерядных показателей датива-аккузатива *-(j)e* и *-ne*. При этом отождествление [я] с аффиксом *-(j)e* во многих случаях ненадежно. Например, регулярная запись *ad'ijä* dat./acc. [адия] 'отец' может отражать не только вариант типа *"ad'ije* (**adaj* > *"adi* с обычным для верховых говоров стяжением + *"-je* dat./acc.), но и более архаичное *"ad'ija*, где стяжение не привело к ломке сингармонизма. Ср. также запись *čil'y'ájä* dat./acc. [чильгяя] 'язык' ~ чув. *čälγeje* тж. Как показано выше, восстанавливаемый для говора-источника памятника гласный типа "e, передаваемый при помощи [я], автоматически требует после себя заднерядных аффиксов. Поэтому в данном случае нужно восстанавливать фонетический прототип *"čäl'y'èja*, а не *"čäl'y'èje*.

Строго говоря, гласный типа "e может быть отражен также в записях *b'ičiža* 3sg. dat./acc. [бичижа] 'брат' ~ чув. *piččäže* тж. и *ir'ika* dat./acc. [ирика] 'воля' ~ чув. *irəge* тж. Данные записи могут передавать формы типа *"b'ičäže*, *"ir'ək'e*. Использование ожидаемого при их передаче [я] привело бы к появлению невозможных для русской орфографии сочетаний, соответственно *[жя] и *[кя], поэтому записывающий выбрал вариант с [жа] и [ка].

Аффикс *-ne*, синтетически выражающий граммы 3sg. и dat./acc., при присоединении непосредственно к основе записывается как [-ня] единственный раз: *kardášn'ä* 3sg. dat./acc. [кардашня] 'сад' ~ чув. *kardaş* 'двор'. После других морфем регулярен [-ne], за исключением посессивного склонения причастий настоящего времени на *-agan*, где последовательность флексий почти всегда записывается в виде [-агáння] ~ чув. *-aganne*. Также [-ня] довольно обычен после номинализатора *-i*, но в этом случае не менее употребителен и вариант [-не].

Колебание [e] и [я] в аффиксе датива-аккузатива в принципе могло бы указывать на старое различие дательного и винительного падежей; по крайней мере, в обследованных памятниках XVIII в. («Сочинениях...») и Словаре Палласа) обнаруживаются следы такового, хотя и очень ненадежные ввиду скудости

материала. Чувашский перевод «Дня святой жизни...» мог бы предоставить доказательства в пользу того, что вариативность действительно связана с указанным различием, поскольку формы в косвенных падежах здесь многочисленны и даны в контекстах, позволяющих вполне точно определить значение того или иного аффикса. Однако подробный анализ контекстов такое предположение не подтверждает.

Единичные появления [я] отмечаются и в других аффиксах с ожидаемым *-e-*, ср. *iz'ás'* inf. [из'яс'Б] 'пить' ~ чув. *əz-es* тж., *m'in'äškáln'e* adv. 3sg. dat./acc. [миняшкálne] 'подобный' ~ чув. *mən-eškel-ne, k'il'ät'če* pret.-mult. 3sg. [килятьче] 'хотеться' ~ чув. *kil-etčə* тж.

Таким образом, условия появления [я], отражающего гласный типа открытого "е", ясны не до конца. По факту только в одном контексте, в составе показателя датива-аккузатива в посессивном склонении причастий настоящего времени, такая запись регулярна; в остальных случаях [я] появляется спорадически при регулярном [е] (а во многих не рассмотренных здесь аффиксах [е] — вообще единственно возможное отражение). При этом, однако, восстанавливаемый "е" явно имеет фонологический статус, поскольку его наличие влечет за собой ломку сингармонизма. Какой-то остаточно отражаемый архаизм?

Во всех остальных контекстах ожидаемый *-e-* регулярно передается через [-e-]. Аналогично, по правилам русской орфографии, отражается сочетание *je-*, ср. *jerdts'è* conv. [epdmcè] 'вести' ~ чув. *jert-* тж., *jepl'è* [енлè] 'как' ~ чув. *jeple* тж. и др. Сугубо консонантным окружением обусловлено распределение [е] и [э] в неанлаутной позиции: [э] регулярно употребляется в контексте после *s-* ~ *z-* (что указывает на хорошо известную «несмягчаемость» этого чувашского сибиланта) и лишь в качестве исключения после других согласных.

1.2.3. -о-, -и-

1.2.3.1. Реализация общечувашского **o* (> верх. -о-, низ. -и-) традиционно считается ключевой характеристикой при отнесении того или иного чувашского говора к числу верховых или низовых. Говор — источник чувашского перевода «Дня святой жизни...» последовательно демонстрирует верховое развитие, ср.:

ozál' [озáльБ] 'злой' ~ чув. *ozal* тж.;

kon' [конБ] 'день' ~ чув. *kon* тж.;

móln'e 3sg. dat./acc. [мóльне] 'богатство' ~ чув. *mol* тж.;

potaj [номай] 'много' ~ чув. *potaj* тж. и др.

1.2.3.2. В рассматриваемом памятнике последовательно различаются два звука, в современной орфографии одинаково записываемые через [y]: упомянутый верховой -о- из общечувашского **o* и напряженный гласный -и-, который восходит к старым сочетаниям с глайдами [Мудрак 1993: 27—30; СИГТЯ 2002: 684; СИГТЯ 2006: 160] и является общим для верхового и низового диалектов чувашского языка (таким образом, в низовом диалекте противопоставлены ненапряженный -и- из **o* и напряженный -и- из сочетаний, хотя в действительности картина, по-видимому, несколько сложнее, см. подробнее [Савельев 2013б]). Приходится считать упущением тот факт, что в синхронных описаниях чувашского вокализма это противопоставление отмечается далеко не всегда, хотя оно подтверждается экспедиционными данными и присутствует во всех старописьменных памятниках, причем не только кириллических (например, в Словаре Палласа 1780-х гг., см. [Савельев 2014: 139—141]), но и на основе латинской графики (в Словаре Миллера 1740-х гг.). В чувашском переводе «Дня святой жизни...» отмечены следующие примеры на отражение напряженного -и-:

χut' [хутБ] 'раз' ~ чув. *χut* тж.;

χudà dat./acc. [худà] 'защита, покровительство' ~ чув. *χut* тж. — эти два случая противопоставлены *χot'* [хотБ] 'бумага' ~ чув. *χot* тж.;

χи [χу] 'ты сам' с многочисленными производными ~ чув. *χи* тж.;

tu [ту] 'делать' с многочисленными производными ~ чув. *tu-* тж.;

tútla comit. [тутла], *-tutlín'ä* comit. nom. dat./acc. [-тутл'иня] 'сладкий' ~ чув. *tudь* 'вкус' тж. — ср. в качестве минимальной пары *tóda* [тóда] 'сытый' ~ чув. *todь* тж.

Качество гласного первого слога в указанных основах подтверждается, например, отражающими диалектное варьирование формами из «Словаря чувашского языка» Н. И. Ашмарина [СЧЯ] — ни для одной из них в нем не дается вариант с [o]. В связи с этим не вполне ясно отражение как будто напряженного -и- в следующих основах, где у Н. И. Ашмарина приводятся верховые варианты с [-о-]:

uχtáχ' [уχмáхБ], *uχtáχa* dat./acc. [уχмáга] 'глупец, дурак' ~ чув. *oχtáχ* тж.;

muχtanássa inf. dat./acc. [муχтанáсса], *muχtamallì* debt. nom. [муχтамаллы], *muχtadbir'* pres. 1pl. [муχтадбырБ], *muχtánpčik'* dvn. [муχтáнчикБ], *muχtánpni ran'* prf-part. abl. [муχтáнны ранБ], *muχtáss'e* pres. 3pl. [муχтáссе], *an'* *muχtánp'* med. proh. [анБ муχтáнБ] 'хвалить' ~ чув. *moχta-* тж.

Можно было бы предположить, что в говоре-источнике данного памятника *-и-* автоматически замещает *-о-* в позиции перед *-х-*. Однако, во-первых, в памятнике имеется достаточно основ, опровергающих данное распределение: ср. *šoχ'* [шохЪ] 'самонадеянный' ~ чув. *šoу(ь)* тж., *šógiš'* [шóггышЪ] 'мысль' ~ чув. *šoуьš* тж., *šoχп'è* ^{3sg. dat./acc.} [чохнè] 'когда (отн.)' ~ чув. *šoχпè* тж. и др. Во-вторых, обращает на себя внимание отмеченная в памятнике форма *mòχtír'* ^{imp.-2pl.} [мòхтырЪ] 'хвалите'. Выписывание [о] в этом единственном для указанных основ-исключений случае под ударением наводит на мысль о том, что запись [у] может отражать определенную редукцию гласного первого слога в безударной позиции.

Еще один неясный случай — запись *tur'* [турЪ] 'икона' ~ чув. *torь* 'икона'. Этимологически это та же основа, что и чув. *torь* 'бог' (семантическая деривация, по-видимому, скалькирована из русских говоров). Однако последнее слово регулярно (примерно в 30 различных формах) записывается в памятнике через [о], ср. *tóra* [тóра], а также *tóranan'* ^{abl.} [тóрананЪ], *tóra zir'* ^{car.} [тóра зырЪ] и другие косвенные формы. Возможно, в данном случае речь идет о намеренном «разнесении» значений и о соотношении каждого из них с конкретным графическим обликом, поскольку для создателей было важно не допустить путаницы с такими важными для религиозного памятника понятиями.

1.2.3.3. Представляет интерес отражение в памятнике форм, сводимых к чув. *ko* ~ *ku* 'этот'. По-видимому, в говоре-источнике существовал запрет на ауслатный *-о-*, поэтому в прямой основе и ее производных имел место *-и-*, отражаемый при помощи [у]: *ku* [кy], *kuzám'* ^{pl.} [кузámЪ], *kuzám'-bala* ^{pl. instr.} [кузámЪ-бала], *kuzan'è* ^{pl. dat./acc.} [кузанè]. При этом, поскольку в совпадающей с генитивом косвенной основе гласный оказался в закрытом слоге, то в косвенной основе и ее производных ожидаемо передан *-о-*: *kon'* ^{gen.} [конЪ], *konà* ^{dat./acc.} [конà], *kon'dán'* ^{abl.} [конЪдánЪ].

1.2.3.4. В следующих основах можно предполагать специфическое отражение напряженного чув *-и-* через сочетание [уэ]:

ruv' [рувь] 'род' ~ чув. *řru* тж.;

tuv'e ^{pret. 3sg.} [тув'е], *an' tívčir'* ^{proh.-3pl.} [анЪ тувчирЪ] 'делать' ~ чув. *turə*, *an tuččər* от основы *tu-* тж., а также *astív'* [астуэвЪ] 'помнить' ~ композит из чув. *as* 'память' + *tu-* 'делать'.

Как известно, в чувашском языке морфонологически чередуются *-и-* в закрытых слогах, а также в ауслате, и *-ьv-* — в открытых. Однако по говорам (особенно в средненизовой диалектной зоне) наблюдаются процессы выравнивания в пользу *-ьv-*, и здесь отмечаются, например, такие формы, как *tšv* 'гора' при литер. *tu* тж. В связи с этим выписывание [уэ] на месте ожидаемого *-и-* в старописьменных памятниках можно интерпретировать двояко: 1) как отражение напряженного *-и-*, логично воспринятого записывающим как сочетание типа *-и^v-*; 2) как передачу сочетания *-ьv-*, опять же ожидаемую ввиду того, что *-ь-* в орфографии старописьменных памятников стандартно отражается как [у], см. п. 1.2.8.1. Для разрешения этой дилеммы применительно к рассматриваемому памятнику решающим является тот факт, что в нем многие формы с [уэ] имеют дублетные отражения через [у], ср.:

túre ^{pret. 3sg.} [ту'ре] 'делать' ~ чув. *turə* тж.;

astú [асту́], *astù* [асту̀] 'помнить' ~ чув. *as-tu-* тж.

Факультативное отражение глайдового призвука после *-и-* представляется предпочтительной интерпретацией в сравнении с сосуществованием в данном говоре *-ьv-* и *-и-*, никак не распределенных по контекстам. Таким образом, предлагается восстанавливать для указанных форм звуковые прототипы вида *"ru^w"* и *"tu^w"*. Подобная рефлексия старых сочетаний с глайдами восстанавливается в части случаев и для других источников XVIII—XIX вв. — ср. показания Словаря Палласа и данные чувашской топонимики [Савельев 2014: 140].

1.2.3.5. Как показано в [Мудрак 1993: 30—31], в части чувашских говоров верхового типа, а именно в курмышском и моргаушском, *-и-* отмечается не только в исторических сочетаниях с глайдами, но и перед старой аффрикатой *č. В связи с этим для географической локализации говора-источника чувашского перевода «Дня святой жизни...» важен тот факт, что в указанном контексте здесь последовательно отражается *-о-*, ср.:

oz'mà ^{sup.} [озьмà], *oz'sà* ^{conv.} [озьсà], *oz'ăχ'* ^{emph.} [озьăхЪ] 'открывать' ~ чув. *oš-*, диал. *uš-* тж.;

pos'-zám' ^{pl.} [пось-зámЪ], *poz' ran'* ^{abl.} [позь ранЪ], *roz'in'* ^{adv.} [рòзинЪ] 'голова' ~ чув. *poš*, диал. *puš* тж.

1.2.3.6. В непервых слогах *-о-* запрещен чувашской фонотактикой и отмечается только в заимствованных из русского языка или через его посредство:

prorók' [прорóкЪ] 'пророк' ~ чув. *prorok* тж.;

apóstol'-zam' ^{pl.} [апóстолЪ-замЪ] 'апостол' ~ чув. *apostol* тж.;

χristos' ra loc. [ХристосЪ ра] ‘Христос’ ~ чув. *χristos* тж.;
gospód' [Госпóдь] ‘Господь’ (в современном чувашском языке данное заимствование отсутствует, однако в разговорном регистре встречается адаптированное *vaspudi* ‘батюшки, господа’ < рус. *господи*).

Напряженный *-u-*, передаваемый как [-y-], под указанный запрет не подпадает и часто встречается в непервых слогах, ср.:

barú [бару́], *barù* [бару̀] ‘милостыня’ ~ чув. *paru* тж.;
iōradù [iōрадү́], *iōradu* [iōрадү̀] ‘любовь’ ~ чув. *joradu* тж.;
olbúd' ran' abl. [олбүдЪ ранЪ] ‘господин’ ~ чув. *olbut* ‘барин’;
χuruž' [хуружЪ] ‘страшный’ ~ чув. *χ̣̈̇ruž'* тж.

Через [-y-] последовательно отражается и *-u-* в заимствованиях, в том числе хорошо освоенных:

nižà [нужã], *nižázam'* pl. [нужãзамЪ], *nižà(-)ran'* abl. [нужа(-)ранЪ] ‘нужда’ ~ чув. *niža* тж.;
sud' [судЪ] ‘суд’ ~ чув. *sud* тж.;
jisús' [IycýcЪ], *jisus'* [IycycЪ] ‘Иисус’, *jisús'e* [Iycýce] ‘Иисусе’.

1.2.3.7. Старописьменные памятники чувашского языка, основанные на кириллической графике, по-разному решают проблему передачи *-o-* и *-u-* в контексте после палатальных *ʃ-* и *j-*. Так, в «Сочинениях...» [Сочинения 1769] сочетания *ʃo-* и *jo-* отражаются, соответственно, при помощи графем [сѳо] и [iо], а *-u-* после палатальных ожидаемо передается через [ю] [Мудрак 2011: III]. Для Словаря Палласа [СС 1787, 1789] после распознавания многочисленных ошибок при простановке диакритики стало возможным восстановить систему, в соответствии с которой *-o-* после палатальных записывается как [ю], а *-u-* и низовой *-u-* — как [jó] [Савельев 2014: 136—139]. Что касается орфографических средств чувашского перевода «Дня святой жизни...», то они идентичны и, возможно, заимствованы из «Начертания...» [Вишневецкий 1836]. В обоих источниках сочетания *ʃo-* и *jo-* передаются сочетаниями [сiō] и [iō] соответственно, а для отражения *-u-* после палатальных используется [ю].

Ср. отражение *-o-* после палатальных в переводе «Дня святой жизни...»:

s'ioč' [сiочЪ], *s'ioč' ba* instr. [сiочЪ ба] ‘отсутствующий’ ~ чув. *ʃok* тж.;
s'iol' [сiолЪ] ‘путь’ ~ чув. *ʃol* тж.;
s'ionmà sup. [сiонмã] ‘гореть’ ~ чув. *ʃon-* тж.;
iōrad' [iōрадЪ] ‘любить’ ~ чув. *jorat-* тж.;
iōlãs' inf. [iōлãсЪ], *iōlmà* sup. [iōлмã] ‘остаться’ ~ чув. *jol-* тж.;
iōzamáškin' sup. [iōзамãшкынЪ], *iōzamallì* debt. nom. [iōзамаллы] ‘исправлять’ ~ чув. *joza-* тж. и др.

Отражение *-u-* после палатальных:

s'ü [сю] ‘мыть’ ~ чув. *ʃu-* тж.;
s'ü [сю], *s'ülla* comit. [сюлла] ‘масло’ ~ чув. *ʃu* тж.;
s'üdtì 3sg. [сюдты́], *s'üdilla* comit. [сюдылла] ‘свет’ ~ чув. *ʃudь* тж.;
χijülla comit. [хью́лла] ‘смелость’ ~ чув. *χ̣̈̇ju* тж. и др.

Указанные орфографические приемы не распространяются на позицию после *č-*: его палатальный характер не влияет на отражение последующего *-o-*, и тот ожидаемо записывается через [o]. Ср.:

čon' [чонЪ] ‘душа’ ~ чув. *čon* тж.;
čoxlãs' inf. [чохлãсЪ], *čoxlazà* conv. [чохлазã] ‘чувствовать’ ~ чув. *čoxla-* ‘понимать’;
čorà [чорã], *čorázam'* pl. [чорãзамЪ] ‘раб’ ~ чув. *čora* тж. и др.

Примеров на контекст *čü-* в памятнике нет.

1.2.3.8. В одной основе на месте ожидаемого *-u-* второго слога записывается [ю]: *idü* [идю̀], *idü zan'e* pl.-dat./acc. [идю́ зане] ‘вопрос’ ~ чув. *ijdu* тж. На самом деле, [ю] ожидаемо передает здесь *-ü-* непервого слога (см. п. 1.2.4), поскольку в записи, видимо, отражена диалектная форма типа *"id'ü*. Ср. фиксацию у Н. И. Ашмарина эквивалентной формы *итү́* с красночетайской и курмышской атрибуцией, а также варианта производящей основы *ит-* ‘спрашивать’ (~ литер. *ijt-*), зафиксированного в курмышском и сундырском говорах верхового диалекта [СЧЯ III: 154]. Переход основы в передний ряд произошел здесь под воздействием сочетания с йотом.

1.2.4. -i-

Гласный *-i-* регулярно передается в памятнике при помощи [ю]. Интересно, что такой способ отражения обычен и в анлауте, в то время как в более ранних памятниках в этой позиции чаще используется

[y-] — по-видимому, чтобы избежать неоднозначности в результате интерпретации начального [ю-] как *ju-*. Ср. примеры из «Дня святой жизни...»:

üt' [ютъ], *üt'è* dat./acc. [ютè], *üt'in'* gen. [ютинЪ] 'тело' ~ чув. *üt* тж.;
üpk'ed'ëss'e pres. 3pl. [юпкедэссе], *üpk'edr'is'* pret. 3pl. [юпкедрисъ] 'обижать' ~ чув. незафиксированное **upke-t-* при *üpkel-* тж.;
üger'er'zè conv. [юггерьзэ] 'спускать' ~ чув. *üger-* тж.

Только в одной основе, отражающей чув. *ügan-* 'каяться', начальный *ü-* передается через диграф [iŷ-], ср. *iŷgen'ës'* inf. [iŷгенэсЪ] и другие формы. По-видимому, это колебание не отражает фонетических различий, а [ю] и [iŷ] в орфографии данного памятника следует рассматривать как эквивалентные способы отражения *ü*.

Ср. примеры на *-ü-* в позиции после согласного:

s'ür'ës' inf. [сюрэсЪ], *s'ür'éna* prf-part. [сюрэна] 'ходить' ~ чув. *šüre-* тж.;
s'üz' [сюзь] 'волосы' ~ чув. *šüš* тж.;
p'ül'üks' [пюлюксъ] 'ангел-хранитель' ~ чув. *püləxşə* 'дух-покровитель';
χ'ib'er'd'ü [хиберьдö], *χ'ib'er'd'ü ba* instr. [хиберьдö ба] 'радость' ~ чув. *χəbərđü* тж.;
čirg'ü [чиргö], *čirg'ün'* gen. [чиргюнь] 'церковь' ~ чув. *čirgü* тж.

Отражение через [ю] употребительно во всех случаях, кроме позиции после *š-* ~ *-ž-*. Поскольку последовательности **[шю]*, **[жю]* запрещены в русской орфографии, то вместо них используются [шу] и [жу], ср.:

šüšm'én' [шушмэнь], *šüšm'én' ra* loc. [шушмэнь ра] 'мгновение' ~ чув. диал. *šüšmen* тж.;
k'il'žulla [кильжүлла] 'приличный, пригодный' ~ чув. *kiləžüllə* тж.

1.2.5. -i-

Способы отражения гласного *-i-* в памятнике зависят от того, находится ли он в анлауте или прикрытом слоге, а также от консонантного окружения.

1.2.5.1. В абсолютном начале слова *i-* передается двояко: через [ы-] (с факультативной диакритикой) и через [и-]. Такое колебание свойственно и для других старописьменных памятников чувашского языка, например, Словаря Палласа. Оно обусловлено, во-первых, запретом на начальный [ы-] в русском языке, орфография которого послужила основой для орфографии памятника, а во-вторых, упрежденным характером чувашского *i-* по сравнению с его русским эквивалентом.

Ср. примеры на отражение анлаутного *i-* через [и-]:

ira [ира], *irri* 3sg. [ирри] 'добрый' ~ чув. *irъ* тж.;
itti 3sg. [итти] 'другой', *itlä* adv. [итлэ], *itläši* dan. [итлашй] 'слишком' ~ чув. *itti*, *itla*, *itläšši* тж.

Некоторые случаи отражения анлаутного *i-* при помощи [ы-]:

ilganagán'-zan'è pres.-part. pl.-dat./acc. [ылганаганЪ-занэ] 'проклинать' ~ чув. *ilyan-* тж.;
irrin'e nom. dat./acc. [ирринэ] 'добро' ~ чув. *irъ* тж.;
irliŷ' zam' žin' pl. caus./fin. [ырлыгЪ замЪ жинЪ] 'благо' ~ чув. *irлъх* тж.

В части случаев в данной позиции выписывается [ы́-], что остаточно отражает восприятие этой буквы как диграфа, ср.:

ivilin' gen. [ы́вылынЪ], *ivil'e* 3sg. [ы́выле] 'сын' ~ чув. *ivъl* тж.;
iŷ' ran' abl. [ы́ихЪ ранЪ], *iŷ' zir'* car. [ы́ихЪ зырЪ] 'сон' ~ чув. *iŷъ*, *iŷъх* тж.;
irliŷ' [ырлыгЪ] 'благо' ~ чув. *irлъх* тж.

По-видимому, к [ы́-] следует приравнивать сочетание [ы́и-] в тех случаях, когда оно появляется на месте ожидаемого анлаутного *i-*, ср.:

ivil' [ы́ивылЪ], *ivil'e* 3sg. [ы́ивыле] 'сын' ~ чув. *ivъl* тж.;
irrin'ä 3sg. dat./acc. [ы́ирриня] 'добрый' ~ чув. *irъ* тж.;
irliŷin' gen. [ы́рлыхынЪ], *irliŷa* dat./acc. [ы́рлыга] 'благо' ~ чув. *irлъх* тж.

Использование [ы́и-] в данных записях можно было бы считать ошибочным, однако, во-первых, для этого памятника в целом описки и опечатки крайне не характерны, а во-вторых, обращает на себя внимание тот факт, что графическое оформление [ы́-] и [ы́и-] почти эквивалентно (*ы + i = ы́и*, *ы + u = ы́и*). Таким образом, этот диграф, возможно, нужно рассматривать как вариант [ы], ср., однако, иное его значение в п. 1.2.5.5. По крайней мере, имеющийся материал, в т. ч. присутствие в одних и тех же основах,

не дает оснований полагать, что распределение [ɨ-] и [ɨ̄-] обусловлено контекстом, синхронно или исторически.

1.2.5.2. В прикрытом первом слоге в нейтральном консонантном окружении *-i-* регулярно отражается как [ɨ], ср.:

víz'áran' ^{abl.} [вѳ́зьяранЪ] 'голод' ~ чув. *viž* тж.;
víl'ix'zam' ^{pl.} [вѳ́лихЪзамЪ], *víl'ix'-zen'* ^{pl.-dat./acc.} [вѳ́лихЪ-зэнь] 'скот' ~ чув. *viľx* тж.;
vil'amállixa ^{part. dat./acc.} [вѳ́лямáллыха] 'играть' ~ чув. *viľa-* тж.;
virin' [вѳ́рынЪ], *virina* ^{dat./acc.} [вѳ́рына], *virinda* ^{loc.} [вѳ́рында] 'место' ~ чув. *virɨn* тж.;
virisarn'i [вѳ́рысарни], *virzarn'i* [вѳ́рзарни] 'воскресенье' ~ чув. *virzarɨ(-kon)* тж.;
virádábir' ^{pres. 1pl.} [вѳ́рдáдбырЪ], *virát'* ^{pres. 3sg.} [вѳ́рдáть] 'лежать' ~ чув. *virɨ-* тж.;
piragán' ^{pres.-part.} [пѳ́рагáнЪ], *pirát'* ^{pres. 3sg.} [пѳ́рáть] 'идти' ~ чув. *pir-* тж.;
rizik' [пѳ́зыкЪ] 'большой' ~ чув. *rizɨk* тж.;
sildim' [сѳ́лдымЪ] 'правый' ~ чув. *sildɨm* тж.;
sixlamar' zan'è ^{neg. pl.-dat./acc.} [сѳ́хламарЪ занè] ~ чув. *six'x, six'x'x* 'бдительный';
tid' [тыдЪ], *tidás'* ^{inf.} [тыдáсЪ], *tidtsà* ^{conv.} [тыдтсá] 'держать' ~ чув. *tit-* тж.;
xiz'sin' [хѳ́зьсинЪ] 'после' ~ чув. *xiz'sɨn* тж.;
xibna ^{prf.-part.} [хѳ́бна], *xibcà* ^{conv.} [хѳ́бсá] 'разгораться' ~ чув. *xip-* тж.;
xirim' [хѳ́рымЪ], *xirimin'* ^{gen.} [хѳ́рымынЪ] 'живот' ~ чув. *xirɨm* тж.;
xida [хѳ́да], *xidiráx'* ^{comp.} [хѳ́дырáхЪ] 'твердый; сильный' ~ чув. *xidɨ* тж. и др.

1.2.5.3. После палатального *ʃ-* [c'-] чув. *-i-* ожидаемо передается при помощи [u]. Это исключительно орфографический прием, поскольку сочетание *[сѳы] чуждо русской орфографии. Ср.:

s'iliy' [сѳ́лыгЪ], *s'iliya* ^{dat./acc.} [сѳ́лыга], *s'iliy' ra* ^{loc.} [сѳ́лыгЪ ра] 'грех' ~ чув. *ʃilɨx* тж.;
s'in' [синЪ], *s'inin'* ^{gen.} [сѳ́нынЪ], *s'inzám'* ^{pl.} [синзámЪ] 'человек' ~ чув. *ʃin* тж.;
s'ibz'át' ^{pres. 3sg.} [сибз'áть], *s'ib'iz'na* ^{prf.-part.} [сибиз'на], *s'ib'iz'tarmà* ^{caus. sup.} [сибиз'тармá] 'приставать' ~ чув. *ʃibɨʃ-* тж.;
s'irláy' [сѳ́рлáгЪ] 'помиловать' ~ чув. *ʃirlax-* тж.;
s'irli ^{3sg.} [сѳ́рлы] 'ягода' ~ чув. *ʃirli* тж.;
s'irzà ^{conv.} [сѳ́рзá] 'писать' ~ чув. *ʃir-* тж. и др.

1.2.5.4. В ряде случаев [-u-] на месте ожидаемого *-i-*, по-видимому, не является исключительно орфографическим приемом, а реально передает переднерядный вокализм. Ср.:

ʃir'ázà ^{conv.} [ʃирязá], *ʃir'amás'* ^{neg. pres. 3sg.} [ʃирямáс'ь] 'искать' ~ чув. *ʃira-* тж.;
id'ü [идю], *id'ü zan'e* ^{pl.-dat./acc.} [идю зане] 'вопрос' ~ чув. *ijdu* тж.;
il'dimla ^{comit.} [ильдымла] 'золото' ~ чув. *iltɨn*, верх. *ildɨm* тж.

Во всех этих примерах есть и другие указания на переднерядный вокализм основы: в первых двух случаях — запись гласного второго слога ([я] и [ю] соответственно), а в третьем — отражение мягкого *-l'* [-ль-] после [u]. В Словаре Н. И. Ашмарина зафиксированы соотносимые с данными записями варианты *ʃире* 'искать', *итү* 'вопрос'. Что касается передачи чув. *iltɨn* 'золото', то не вполне понятно отражение как бы заднерядного вокализма во втором и третьем слогах: фонетический прототип восстанавливается в виде *"il'dɨm-la*. Возможно, во втором слоге представлен нейтральный редуцированный гласный, требующий после себя заднерядной аффиксации.

1.2.5.5. Интересной особенностью чувашского перевода «Дня святой жизни...» является использование диграфа [ɨ̄-] для обозначения анлаутных сочетаний типа «йот + узкий неогубленный гласный». Речь идет о сочетании *ji-* (но не *ji-*, которое запрещено чувашской фонотактикой), а также *jɨ-* и *jə-*, где редуцированные, находясь в позиции первого слога, представлены закрытыми аллофонами, см. подробнее пп. 1.2.7.2 и 1.2.9.1. Как и некоторые другие орфограммы, этот прием видится заимствованным из «Начертания...» [Вишневский 1836], либо же оба этих памятника ориентировались на третий — более ранний и еще не обследованный.

Примеры на использование [ɨ̄-] в значении *ji-* (не следует путать с [ɨ̄-], обозначающим анлаутный *i-*, см. п. 1.2.3.1):

an' 'izindár' ^{caus. proh.} [анЪ ѳ́жжндáрЪ], 'izindimr' ^{che} ^{cond.-1pl.} [ѳ́жжндымырЪче] 'принять' ~ чув. *jižɨn-* тж.;
idazan'è ^{pl.-dat./acc.} [ѳ́дазанè] 'собака' ~ чув. *jidɨ* тж.;
iši ^{3sg.} [ѳ́иш], 'išizám' ^{3sg. pl.} [ѳ́ишзамЪ] 'окружение; подобие' ~ чув. *jiš* тж.

1.2.5.6. Орфография памятника факультативно отражает позиционное огубление ожидаемого *-i-* в позиции после губного согласного, ср.:

vurmalla ^{debt.} [вурмалла] ‘жать’ ~ чув. *vîr-* тж.;
púzuk ran ^{abl.} [пúзукЪ ранЪ] ‘большой’ ~ чув. *pizъk* тж.

С одной стороны, за такой записью может скрываться *-u-*. Ср. форму *вур-* ‘жать’ в [СЧЯ V: 273] с северо-западной атрибуцией, но вообще данная изоглосса характерна и для ряда других чувашских говоров верхового типа. С другой стороны, не исключено, что таким образом в памятнике передается гласный типа *-î-* (огубленного *-i-*), также возникающий под воздействием соседних губных согласных и отмечаемый как в верховых, так и в низовых чувашских говорах, см. [Савельев 2013б].

Лабиялизация *-i-* рядом с губным согласным отражается и в ряде других старописьменных памятников чувашского языка. Один из наиболее последовательных в этом отношении памятников — Словарь Миллера, где на месте ожидаемого *-i-* после губных *p, v, m* регулярно записывается *[-u-]*.

1.2.5.7. Отдельно следует рассмотреть отражение в памятнике сочетания *-iv(ь)-*. С одной стороны, в части случаев гласный в нем ожидаемо передается как [ы], ср.:

sívlîya ^{dat./acc.} [сывлыга], *sívlîyn'e* ^{3sg. dat./acc.} [сывлыгне] ~ чув. *sívlъx* ‘здоровье’;
sívl'iz' [сывлижЪ], *sívl'izin'* ^{gen.} [сывлижинЪ] ‘дух’ ~ чув. *sívlъš* тж.

Ср. также пример *s'ivirmáškin'* ^{sup.} [сивирмáшкынЪ] ‘спать’ ~ чув. *šivъr-* тж., где по правилам пункта 1.2.3.3 с помощью [u] передан *-i-* (неогубленный!) в позиции после палатального *š-*.

В части случаев орфография памятника отражает лабиализацию *-i-* в позиции перед губным *-v-*:

sívlîxra ^{loc.} [сывлыхра] ‘здоровье’ ~ чув. *sívlъx* тж.;
sívl'iz' [сывлижЪ-] ‘воздух’ ~ чув. *sívlъš* тж.;
s'üvrádč'én' ^{term.} [сюврадчэнь] ‘спать’ ~ чув. *šivъr-* тж.;
júvîr' [ювырЪ], *júvîršn'e* ^{dan. 3sg. dat./acc.} [ювыршне] ‘тяжелый’ ~ чув. *jivъr* тж.

Наконец, в памятнике имеются записи, в которых на месте всего сочетания *iv(ь)* записаны буква [y] или ее эквивалент после палатальных [jɔ]:

sù [cù] ‘здоровый’ ~ чув. *siv(ь)* тж.;
šú [шú], *šuda* ^{loc.} [шуда] ‘вода’ ~ чув. *šiv* тж.;
ul' [улЪ-] ‘сын’ ~ чув. *ivъl* тж.;
udtsà- ^{conv.} [удтсà-] ‘бросить’ ~ чув. *ivъt-* тж.;
s'üiráss'e ^{pres. 3pl.} [сюрácce], *s'üiráś'* ^{inf.} [сюрácЪ], *s'üirmà* ^{sup.} [сюрмà], *s'ürna* ^{prf.-part.} [сюрна], *s'ürzà* ^{conv.} [сюрзà] ‘спать’ ~ чув. *šivъr-* тж.;
s'üx' [сyoхЪ], *s'üxri* ^{loc. nom.} [сyoхрì], *s'üxrizan'e* ^{loc. nom. pl.-dat./acc.} [сyoхрìзане] ‘близко’ ~ чув. *šivъx* тж.

Ср. также случай *sull'ámma* ^{sup.} [суллямма], *sull'ádbir'* ^{pres. 1pl.} [суллядбырЪ] ‘дышать’ ~ чув. *sivla*, верх. *sulla-* тж., где геминация *-l-* — явный след старого сочетания.

Таким образом, в памятнике как будто отражаются три типа развития сочетания *-iv(ь)-*: без стяжения с записью неогубленного *-i-*; без стяжения с передачей огубленного *-î-* на месте ожидаемого *-i-*; со стяжением *-ivъ- > -u-*. При этом бо́льшая часть примеров из второй группы не вполне надежна, поскольку: 1) случай *sívl'iz'* [сывлижЪ-] ‘воздух’ этимологически тождествен *sívl'iz'* [сывлижЪ] ‘дух’ — оба отражают чув. *sívlъš* ‘воздух; дух’. Эти формы употребляются в памятнике многократно, причем всякий раз значения ‘воздух’ и ‘дух’ жестко соответствуют записям с отражением, соответственно, огубленного и неогубленного гласного в первом слоге. По-видимому, записывающий искусственно «разделил» многозначное слово во избежание путаницы, ср. рассмотренный выше случай [тóра] ‘бог’ ~ [тýрЪ] ‘икона’; 2) случаи *s'üvrádč'én'* ^{term.} [сюврадчэнь] ‘спать’ и *júvîr'* [ювырЪ], *júvîršn'e* ^{dan. 3sg. dat./acc.} [ювыршне] ‘тяжелый’ в принципе могут отражать формы с сокращением первого гласного до стадии редуцированного. Варианты типа *šivъr-* и *jivъr* реально зафиксированы в чувашских говорах, в т. ч. верхового типа (об отражении *-ъ-* в памятнике см. п. 1.2.8).

Для сложившейся картины можно предложить следующий сценарий. Сочетание *-iv-* в позиции перед согласным в говоре-источнике сохраняется, а в позиции ауслота или в варианте *-ivъ-*, как правило, происходит стяжение в *-u-*. В вариантах без стяжения следует восстанавливать фонетический прототип *-iv(ь)-*, причем отражение огубленности *-î-* факультативно ввиду нетривиального характера этого звука для русской орфографии. Нерегулярный характер стяжения *-iv(ь)- > -u-*, которое является признаком северо-западного (малокарачинского) диалекта, может быть объяснен его субстратным характером по отношению к говору-источнику памятника. Такой сценарий согласуется с данными о том, что северо-

западный идиом действительно послужил субстратом для части верховых (прежде всего, сундырских) говоров чувашского языка, см. [Мудрак 1993: 10—11].

1.2.6. -i-

1.2.6.1. Чувашский гласный *-i-* в составе основы, чаще в первом слоге, регулярно передается через [u], ср.:

čir'le comit. [чирьле], *čir'-zám'-bala* pl. instr. [чирь-зámБ-бала] 'болезнь' ~ чув. *čir* тж.;

s'ir'ib' [сүрибБ] 'крепкий' ~ чув. *širəp* тж.;

tomd'ir' [томдүрБ] 'одежда' ~ чув. *tom-dir* тж.;

erp'in' [эппинь] 'итак' ~ чув. *erpin* тж.

Фонетическим равнозначным [u] является обозначение через [i]. Данная буква употребляется в некоторых русизмах (напр., *m'ir'* [мирБ]), а также по правилам русской орфографии в основах любого происхождения в позиции перед гласным или йотом: *s'ijäs'* inf. [сйясБ] 'есть, кушать' ~ чув. *ši-* тж.

В позиции после *s-* ~ *-z-* ожидаемый *-i-* обычно передается через [ы], ср.:

siv'e [сыве], *siv'id'na* dnv. prf-part. [сывидьна] наряду с *s'iv'e* [сыве] 'холодный' ~ чув. *sivə* тж.;

sikt'er'm'ézir' sup. car. [сыктерьмэзырБ] 'двигаться' ~ чув. *sikter-* 'проскакивать';

sipl'e [сипле] 'полезный' ~ чув. *siplə* тж.;

sizédin' pres. 2sg [сызэдынБ], *sis'm'éškin'* sup. [сысьмэшкынБ] 'чувствовать, осязать' ~ чув. *sis-* тж. и др.

Такое отражение указывает как на неспособность чув. *s-* к смягчению, так и, по-видимому, на более заднюю артикуляцию *-i-* в позиции после этого согласного.

Один раз на месте ожидаемого *-i-* записан [ю]: *čürg'ù* [чюргю] 'церковь' ~ чув. *čirgü* тж. Вероятно, такая запись отражает лабиализацию гласного первого слога под влиянием огубленного во втором; для формы восстанавливается прототип вида "*čirg'ù* или "*čürg'ù*."

1.2.6.2. В нескольких случаях ожидаемый *-i-* записан через [-э-] ~ [-е-]. По-видимому, в говоре — источнике памятника сохраняется ПТю **ę*, который отмечается также в малокарачинском наречии, а во всех остальных чувашских говорах перешел в *-i-*.

Ср., прежде всего, очень характерную и совпадающую с малокарачинской форму местоимения 'вы' *ser'* [сэрь], *s'er'* [серь] ~ чув. *ezir*, верх. *ezər*, МК *ser*. Помимо характера корневого гласного, обращает на себя внимание отсутствие в отражаемой в памятнике форме дейктического *e-* (как и в малокарачинском, в отличие от остальных говоров). Впрочем, подобная запись встречается лишь в двух указанных случаях, в остальном тексте фигурирует приближенная к верховому стандарту форма [эзырБ] с вариантами.

Другие примеры из памятника на сохранение ПТю **ę*:

k'ér'l'e [кэрле] 'нужно, надо' ~ чув. *kirlə* тж.;

t'erg'ez'è conv. [мергезэ] 'гнушаться, придираяться' ~ чув. *tirge-* тж.

Ср. также два заимствования с *-e-* в русском источнике:

čerg'ù [чергю], *čerg'ù-zám'* pl. [чергю-замБ] < рус. *церковь* (но в памятнике чаще встречаются записи типа *čirg'ù* [чиргю], а также единожды *čürg'ù* [чюргю]), о котором см. предыдущий пункт);

p'erv'éj [первэй], *p'erv'ejy'i* [первэйю] < рус. *первый*.

Для последних форм из памятника восстанавливаются прототипы "*čerg'ù*", "*p'erv'éj*", идентичные ожидаемым малокарачинским. В литературном чувашском оба слова имеют *-i-* в первом слоге: *čirgü*, *pirvaj*.

Судя по малому числу зафиксированных в тексте форм с предполагаемым *-ę-* и по наличию многочисленных дублетных записей с отражением *-i-*, в этом вопросе говор-источник памятника все же развивался по общечувашскому пути. Редкие формы с *-ę-*, прежде всего фиксация варианта *ser'* для местоимения 'вы', могут быть объяснены субстратным влиянием на говор верхового типа со стороны ассимилированного идиома типа малокарачинского.

1.2.6.3. В чувашском языке *-i-* встречается не только в основах, но и в аффиксах — прежде всего, в показателе принадлежности 3-го лица *-i*, который к тому же часто выступает в функции номинализатора. Будучи нейтральным к сингармонизму, в литературном языке аффиксальный *-i-* инвариантен. Однако по говорам (в первую очередь, в верховой зоне) наблюдаются процессы выравнивания, в результате которых аффиксальный *-i-* обретает сингармонистическую пару в виде *-i-*. Судя по всему, эта изоглосса охватывает и говор-источник рассматриваемого памятника, поскольку после переднерядных основ в аффиксах здесь записывается [u], а после заднерядных — регулярно [ы]. Ср.:

-čik'i^{3sg.} [чикй̆] 'внутренности' ~ чув. čikki тж.,
но olmi^{3sg.} [олмы̆] 'яблоко' ~ чув. olmi тж.;

χ'irz'sl'in'e^{comit. nom. dat./acc.} [χирзьслине] 'нечто противное' ~ чув. χiraşline тж.,
но tutlîn'e^{comit. nom. dat./acc.} [тутлыне] 'нечто вкусное' ~ чув. tutline тж.;

iz'm'ell'i^{debt. nom.} [изъмеллй] 'питье' ~ чув. aştelli тж.,
но polʒmalli^{debt. nom.} [полжмаллы̆] 'помощь' ~ чув. polʒmalli тж.

При этом, как и в случае с ожидаемым *-i-* первого слога, здесь соблюдается правило жи ~ ши, см., например, 'iši^{3sg.} [б̆иши] 'окружение; разновидность' ~ чув. jišši тж., bólni-ži^{prf.-part. int.} [б̆олны-жи] 'было ли?' ~ polnʒ-ži тж. и др. Несмотря на отражение как бы переднерядного гласного, в этих случаях после š- ~ -ž- также следует восстанавливать *"-i-*.

1.2.7. -ь-

1.2.7.1. В первом слоге неогубленный заднерядный редуцированный гласный *-ь-* в общем случае отражается аналогично *-i-*, см. п. 1.2.5. Это свидетельствует в пользу того, что в говоре-источнике в данной позиции был представлен закрытый аллофон типа *"ь*.

Ср. отражение через [ы] в нейтральном консонантном окружении:
kidardás^{inf.} [кыдардас̆ь], kidardmá^{sup.} [кыдардмӑ] 'показать' ~ чув. kьdart- тж.;
piymáss'e^{neg. pres. 3pl.} [пыгмӑссе], piysát^{emph.} [пыгсам̆ь] 'смотреть' ~ чув. рьу- тж.;
sínla^{comit.} [сынла], sín'zir^{car.} [сыньзыр̆ь] 'образ' ~ чув. sьn тж. и др.

Примеры на [ы-], [ы̆-], [ы̆-], [у-], отражающие анлаутный *ь-*:

ižin'čè^{3sg. loc.} [ыжиньч̆è], 'ižin'čè^{3sg. loc.} [ы̆жиньч̆è] 'внутри', ižin'čè^{3sg. loc.} [ижиньч̆è] ~ чув. ьžənʒe тж.;
ivindaragán^{pres.-part.} [ы̆вындараг̆ан̆ь] 'манить, привлекать' ~ чув. ьvьndar- тж.

Примеры на отражение через [ы̆-] контекста *ь-*:

'ilt^{comit.} [ы̆илт̆ь] 'целиком' ~ чув. ььлт тж.;
-'imik^{pl.} zam^{pl.} [-ы̆имык̆ь зам̆ь] 'младшая сестра' ~ чув. ььтк тж.

Контекст *ь-*, для которого ожидалась бы передача *[cu], в первом слоге в расписанной части памятника не представлен. Последовательность *ь-* ~ *-žь-* отражается аналогично š- ~ -ž-, т. е. при помощи [ш-] ~ [-жи-] по правилам русской орфографии, ср. -šilim^{comit.} zam^{1sg. pl.} [-ш̆илым̆ь зам̆ь] 'младший брат' ~ чув. šьлььт тж.

1.2.7.2. В непервых слогах *-ь-* в целом отражается так же, как и в первых, т. е. через [ы], но [у] в палатализующем контексте. Однако с узкими отражениями в этой позиции конкурируют широкие — через [а] ([я] после палатальных). Строгого распределения нет, но есть позиции, в которых [а] ~ [я] предпочтительны: это открытый слог на конце основы, а также в ряде аффиксов, например, комитатива *-(l)ь* [(л)ла] и перфектного причастия *-нь* [-на]. В остальных позициях употребляется [ы], который при этом не запрещен и в тех контекстах, где доминирует [а]. Ср.:

ira [úra] наряду с iri [уры] 'добрый' ~ чув. irь тж.;
χákla^{comit.} [хакла] наряду с χákli^{comit.} [хаклы] 'дорогой' ~ чув. χакль тж.;
χijúlla^{comit.} [хыюлла] 'дерзкий', но ózsilli^{comit.} [óзсыллы] 'полезный' ~ чув. χьjullь, озьль тж.;
s'iorádna^{prf.-part.} [с̆iorádна] наряду с s'iorádni^{prf.-part.} [с̆iorádны] 'родить' ~ чув. šoratnь тж.

1.2.7.3. В нескольких случаях ожидаемый *-ь-* в непервых слогах отражается как переднерядный гласный, хотя речь и не идет о контексте после палатального:

sivl'iz̆^{comit.} [с̆ывлиӂь] 'дух', sivl'iz̆^{comit.} [с̆увлиӂь-] 'воздух' ~ чув. sivlʒ̆ 'дух; воздух';
s'ib'iz̆^{comit.} [с̆ибиз̆ь-] 'приставать, привязываться' ~ чув. šibʒ̆- тж.

При передаче чув. sivlʒ̆ отражение как бы переднерядного гласного во втором слоге может указывать на палатальный характер предшествующего *-l-* в говоре-источнике. Ср. производящую основу sivila- 'дышать', которая в некоторых верховых говорах имеет вид sulla-, отраженный, к слову, и в данном источнике: sull'ádbir^{pres. 1pl.} [суллядбыр̆ь].

Запись чув. šibʒ̆-, вероятно, отражает упережденную артикуляцию гласных в контексте между двумя палатальными: *"šibʒ̆*. При этом, однако, едва ли можно считать свершившимся переход основы в передний ряд, поскольку она регулярно принимает после себя заднерядные аффиксы, см. s'ib'iz̆'sá^{conv.} [сибиз̆ьс̆а] и другие формы.

1.2.7.4. В некоторых случаях орфография памятника отражает лабиализацию исторически неогубленного *-ь-* в позиции рядом с губными согласными, ср.:

vugut' rã loc. [вугут'рã], *vugutrì* loc. nom. [вугутрì] 'время' ~ чув. *vũyũt* тж.;
ãmuže 3sg. [ãмуже] 'мать' ~ чув. *am̄žã* тж. и др.

1.2.8. ъ

1.2.8.1. Огубленный заднерядный редуцированный гласный *-ъ-* в общем случае отражается аналогично *-и-* (см. пункт 1.2.3.2). Такая передача обусловлена тем, что в говоре-источника памятника, особенно в первом слоге, данный гласный реализуется в закрытом варианте типа "ъ".

Ср. отражения при помощи [y] в анлауте и в нейтральном консонантном окружении:

us' [ycB], *úsła* comit. [ýсла] 'ум' ~ чув. *ũs* тж.;
úžu [ýжу], *užudãdbir'* dnv. pres. 1pl. [ужудãдбырB] 'теплый' ~ чув. *ũžũ* тж.;
vul' [вулB], *vul' zãm'* pl. [вулB зãmB] 'он' ~ чув. *vũl* тж.;
kúluχ' [кúлуχB] 'напрасно' ~ чув. *kũlũχ* тж.

Примеры после палатальных, где *-ъ-* записывается через [ю]:

s'úkúra dat./acc. [сюкúра] 'хлеб' ~ чув. *šũgũr* тж.;
s'úlãs' inf. [сюлãсB], *s'ülzãm'* emph. [сюлзãmB] 'спасти' ~ чув. *šũl-* тж.;
júlã [юлã], *júlãna* dat./acc. [юлãна] 'вера' ~ чув. *jũla* 'обычай';
jũnuš'-zam' balã pl. instr. [юнушB-замB балã] 'ошибка' ~ чув. *jũnũš'* тж.

1.2.8.2. Передача ожидаемого *-ъ-* при помощи [o] наблюдается в следующих случаях:

χobarzã conv. [хобарзã], *χobarzãsin'* cond.-part. [хобарзãсынB] 'подняться' ~ чув. *χũbart-* тж.;
χobãrd'e fut. 3sg. [хобãрдe], *χobarđtsã* conv. [хобардтсã] 'поднять' ~ чув. *χũbart-* тж.;
χonz'è [хонзè], *χonzé* [хонзè], *χon'zè* [хоньзè] 'когда' ~ чув. *χũzan* тж.;
χoramallã debt. [хорамаллã] 'бояться' ~ чув. *χũra-* тж.;
χorãdmallì debt. nom. [хорãдмаллì], *χorãdtsã* conv. [хорãдтсã] 'пугать' ~ чув. *χũrat-* тж.;
χobassin'e inf. nom. dat./acc. [хобассине], *χobmallì* debt. nom. [хобмаллì], *χobnì* prf.-part. nom. [хобнì] 'поразить (об испуге)' ~ чув. *χũp-* тж.;
χolýájã dat./acc. [холгãя] 'ухо' ~ чув. *χũlýa* тж.;
konã dat./acc. [конã] 'этот' ~ чув. *kũna* тж. (но запись в памятнике может отражать и широко распространенный вариант *kona*);
konturlay'ì [контурлагì] 'дневной' ~ чув. *kũndũrlay'ì* тж.

Во всех этих примерах ожидаемый *-ъ-* находится в контексте после велярного *χ-* или *k-* в предударной позиции (хотя в редких случаях в этих контекстах появляется и [y], ср. [χудлãсB] 'защищаться' и [кумулB] 'милость' — ошибочное ударение во втором случае?). Фонетически интерпретировать такую запись можно двояко: 1) как расширение "ъ" > "ũ" в специфическом консонантном окружении; 2) как прояснение "ũ" > o опять же под влиянием предшествующего велярного. В пользу второго варианта свидетельствует то, что формы типа *χolýa* 'ухо' при литер. *χũlýa* хорошо известны в чувашской диалектологии, см., например, [Канюкова 1965: 32]. Первый вариант не становится ввиду этого менее вероятным, просто вопрос о распределении закрытых и открытых вариантов редуцированных гласных в синхронной чувашской диалектологии никем еще не был изучен (см., однако, попытку выявить распределение этих вариантов в говорах-источниках чувашского материала для Словаря Палласа в [Савельев 2014]).

1.2.9. ə

1.2.9.1. В первом слоге неогубленный переднерядный редуцированный гласный *-ə-* в общем случае отражается аналогично *-и-*, см. п. 1.2.6.1. Ср. отражения через [u]:

il'ik' [úликB] 'прежде' ~ чув. *alæk* тж.;
in'n'en'in' prf.-part. nom. gen. [иньненинB] 'верить' ~ чув. *enep-* тж.;
iz'e dat./acc. [úze], *iz'b'e* instr. [úзьбе] 'труд, дело' ~ чув. *əš* тж.;
č'ir'ãna dat./acc. [чирãна] 'сердце' ~ чув. *čãre* тж.;
m'isk'in'-zam' pl. [мискинь-замB] 'бедняга' ~ чув. *mãskãp* тж.;
s'ir' [сирь] 'земля, место' ~ чув. *šãr* тж.

Аналогично сочетаниям йота с другими узкими неогубленными гласными, анлаутное сочетание *jə*- записывается при помощи диграфа [b̄u]. Ср.:

'ir'g'ib'è 3sg. instr. [b̄ir'g'ib'è], *'ir'g'ezam'* pl. [b̄ir'g'ezam'ʙ] 'порядок' ~ чув. *jərge* тж.;
'ir' [b̄ir'p] 'путь' ~ чув. *jər* 'след'.

1.2.9.2. В непервых слогах при отражении ожидаемого *-ə*- конкурируют [u] и [e]. В открытом слоге почти всегда употребляется [e], а в закрытом частотны оба варианта. Строгого распределения между ними нет, часто [u] и [e] встречаются в одних и тех же морфемах.

Ср. примеры с [e] в открытом слоге:

mól'e 3sg. [móle] 'богатство' ~ чув. *molə* тж.;
ból'iče cond.-3sg. [bóliche] 'быть' ~ чув. *poláččə* тж.;
s'id'imár'e pot. neg. pret. 3sg. [sidimápe] 'достигать' ~ чув. *šidejmerə* тж.;
bár'e fut. 3sg. [bápe] 'дать' ~ чув. *parə* тж. и др.

Примеры с колебанием [e] ~ [u] в закрытых слогах:

účín' 3sg. gen. [lúčin'ʙ] 'тело', но *rív'en'* 3sg. gen. [rúven'ʙ] 'род' ~ чув. *üž-ən, ər'əv-ən* тж.;
s'ür'ér'is' pret. 3pl. [süréris'ʙ] 'ходить', но *kalár'es'* pret. 3pl. [kaláres'ʙ] 'говорить' ~ чув. *šüre-rəš, kala-rəš* тж.

Последовательность [сы-] ~ [-зы-], через которую в «Дне святой жизни...» записывается *si-* ~ *-zi-*, аналогичным образом используется и для записи сочетания *sə-* ~ *-zə-*, которое встречается в памятнике в непервых слогах. См. отражение местоимения *ezir*, верх. *ezər* 'мы' как [эзырʙ], а также запись передне-рядных вариантов показателей лишительного падежа *-zər* и условно-временного причастия *-zessən* как [-зырʙ] и [-зэсынʙ] соответственно.

1.2.10. ə̇

1.2.10.1. Переднерядный огубленный редуцированный гласный *-ə̇-* в общем случае отражается в памятнике аналогично *-ü-* (см. п. 1.2.4).

В анлаутной позиции *ə̇-* передается при помощи диграфа [t̄y-], ср.:

ĩumb'ü [t̄ymb'ü] 'царь' ~ чув. *ə̇mbü* тж.;
ĩum'üry'i [t̄um'ory'i] 'вечный' ~ чув. *ə̇m'oryi* тж.

В инлауте регулярным является отражение через [ю]:

k'üsk'è- [кюскè-] 'короткий' ~ чув. *kəske* тж.;
p'ül't' [пюльт'] 'небо' ~ чув. *pəlät* тж.;
t'üz' [тюзь] 'свойство, натура' ~ чув. *təs* тж. и др.

Ср. случаи, где *-ə̇-* вторично появляется во втором слоге после огубленного гласного в первом слоге:

p'ül'üks' [пюлюкс'] 'ангел-хранитель' ~ чув. *püləxšə* 'дух-покровитель';
t'üt'üm' [тютюмʙ] 'тьма' ~ чув. *tättəm* тж.

1.2.10.2. В нескольких формах имеет место делябиализация этимологического *-ə̇-*. Необходимыми для этого условиями являются соседство с губным согласным и безударная позиция. Примеры:

v'ir'én' [вирéнь] 'учиться' ~ чув. *və̇ren-* тж.;
p'id'er'- [пидерь-] 'заканчивать; истреблять' ~ чув. *pə̇der-* тж. — ср. однокоренное *p'üd'üm'* [пюдюмʙ] 'целый' ~ чув. *pə̇dät* тж., где *-ə̇-* в первом слоге находится под ударением и поэтому не подвергается делябиализации.

2. Морфология

2.1. Именная морфология

2.1.1. Падеж

Традиционно в чувашском языке выделяются восемь падежей: основной (номинатив), притяжательный (генитив), дательно-винительный (датель-аккузатив), местный (локатив), исходный (аблатив), лишительный (каритив) и причинно-целевой (каузалис-финалис) [Андреев 1961]. Существуют и другие формы, в разной степени претендующие на статус падежных, но в данной статье они не рассматриваются.

Форма основного падежа в чувашском языке совпадает с именной основой.

Притяжательный падеж на *-ьп / -эп / -п* имеет в памятнике несколько вариантов, что обусловлено как законами морфологии, так и спецификой орфографии. Ср.:

choráin' gen. [choráынБ] 'котел' ~ чув. *choran-ьп* тж. — [-ынБ] после заднерядной основы с исходом на непалатальный согласный;

út'in' gen. [útинБ] 'тело' ~ чув. *üt-эп* тж. — [-инБ] после переднерядной основы на согласный;

bórniz'in' gen. [bóрнызинБ] 'жизнь' ~ чув. *pornьз-ьп* тж. — [-инБ] после любых основ с исходом на палатальный согласный;

orán' gen. [oránБ] 'нога' ~ чув. *ora-n* тж. — [-нБ] после заднерядной основы на гласный;

čir'én' gen. [чирэнь], *čir'én'* gen. [чирэньБ] 'сердце' ~ чув. *čare-n* тж. — [-нь] ~ [-нБ] после переднерядной основы на гласный.

Дательно-винительный падеж также отражается в памятнике очень разнообразно, ср.:

jätä dat./acc. [ятä] 'имя' ~ чув. *jad-a* тж. — [-а] после заднерядных основ на согласный;

čójuana dat./acc. [чóйгана] 'несчастье' ~ чув. *čojуь-na* тж. — [-на] после большинства заднерядных основ на гласный;

čorájä dat./acc. [чорая] 'раб' ~ чув. верх. *čora-ja* тж. — [-я] после некоторых заднерядных основ на *-a*;

t'en'è dat./acc. [тенè] 'вера, религия' ~ чув. *tän-e* тж. — [-е] после переднерядных основ на согласный;

čir'éne dat./acc. [чирэне], *čir'ána* dat./acc. [чиряна] 'сердце' ~ чув. *čare-ne* тж. — обычно [-не] после переднерядной основы на гласный, но [-на], если орфографически ему предшествует [-я-];

čil'y'ájä dat./acc. [чильгяя] 'язык' ~ чув. верх. *čälye-je* тж. — [-я] после некоторых переднерядных основ на *-e*;

čir'y'è dat./acc. [чирьгè], *čirg'è* dat./acc. [чирггè] 'церковь' ~ чув. *čirgäv-e* — [-е] после основ на *-ü* (в данном случае *čirgü*); поведение заднерядных основ на *-u* остается неясным ввиду отсутствия примеров.

Особый интерес здесь представляет колебание вариантов *-na / -ne ~ -ja / -je* после основ на гласный полного образования. По Н. И. Ашмарину, вариант данного падежного показателя с *-j-* присоединяется к чувашским именным основам на *-i-* [Ашмарин 1898: 119]. Согласно Л. С. Левитской, показатель *-ja / -je* встречается в верховых говорах после основ на *-a / -e* [Левитская 1976: 18]. Однако, что касается данного памятника, то строгого распределения в зависимости от типа основы не наблюдается: если после редуцированных возможен только вариант *-na / -ne*, то после гласных полного образования бывают оба варианта. Возможно, в памятнике зафиксирован тот момент в истории говора-источника, когда сугубо диалектный вариант *-ja / -je* начал замещаться вариантом *-na / -ne* под влиянием соседних говоров.

Местный падеж в чувашском языке имеет варианты *-da / -de* после сонантов *-l-, -n-, -r-* и *-ra / -re* во всех остальных случаях. Ср. примеры из памятника:

ozálda loc. [ozáлда] 'зло' ~ чув. *ozál-da* тж.;

ūm'ür'd'è loc. [ūмюрьдè] 'вечность' ~ чув. *ātär-de* тж.;

s'iliy' ra loc. [сильгь pa] 'грех' ~ чув. *šilьx-ra* тж.;

v'iz'é-r'e loc. [визэ-pe] 'мера' ~ чув. *vize-re* тж.

Наряду с [-pe] после переднерядных основ встречается и вариант [-pa]:

šušm'en' ra loc. [шушмэнь pa] 'мгновение' ~ чув. *šüşmen-re* тж.;

ir'ik' ra loc. [үрикБ pa] 'воля' ~ чув. *iräk-re* тж.

Что примечательно, в таких случаях [pa] всегда пишется отдельно от основы. Можно предположить, что все подобные записи суть попытка генерализации данного показателя в статусе послелога, что выражается и в его инвариантности с точки зрения сингармонизма, и в орфографическом оформлении.

Аналогичная ситуация — с показателем исходного падежа *-ran / -ren, -dan / -den*. Если в заднерядных основах распределены в зависимости от предыдущего согласного варианты [-ранБ] и [-данБ] (могут записываться как слитно, так и раздельно), то после переднерядных основ отмечается колебание переднерядных и заднерядных вариантов данного показателя, причем переднерядные варианты обычно записываются слитно или через дефис, а заднерядные — всегда раздельно. Ср.:

tórarán' abl. [tóраранБ], *tóra rán'* abl. [tóra ранБ] 'бог' ~ чув. *torь-ran* тж.;

il'ikr'en' abl. [иликрэнь] 'исстари' ~ чув. *äläk-ren* тж.;

ir'ik' rán' abl. [үрикБ ранБ] 'воля' ~ чув. *iräk-ren* тж.;

kúmul' dan' abl. [күмүлБ данБ] 'милость' ~ чув. *kъмъл-dan* 'настроение';

p'ir'in'-d'en' abl. [пүринБ-день] 'мы' ~ чув. *pirän-den* тж.;

m'isk'in' dan' abl. [мүскинь данБ] 'бедность' ~ чув. *mәskән-den* 'бедняга'.

Совместный падеж в чувашском языке имеет варианты *-pa / -pe* и *-pala / -pele*, находящиеся в отношениях свободного варьирования. В памятнике все они генерализованы в варианте с [б-], даже если основа оканчивается на шумный согласный. Ср.:

- sívl'iz' ba* instr. [сывлижБ ба] 'дух' ~ чув. *sívl'š-pa* тж.;
t'ús'b'e instr. [т'усьбе] 'качество' ~ чув. *t'ús-pe* тж.;
oldáv' balà instr. [олдавБ балà] 'обман' ~ чув. *oldav-bala* тж.;
iz'-b'el'e instr. [изь-беле] 'труд; дело' ~ чув. *əş-pele* тж.

Лишительный падеж на *-sər / -sər* генерализован в варианте [-зырБ] и зафиксирован, например, в следующих формах:

- tádikzír' car.* [тадыкзырБ] 'отрезок' ~ чув. *tadək-sər* тж.;
v'il'imzír' car. [вилымзырБ] 'смерть' ~ чув. *viləm-zər* тж. и др.

Показатель причинно-целевого падежа *-šən / -šən* имеет в памятнике единственный вариант [-жинБ]. Возможные различия по сингармонизму в данном случае нивелированы орфографией, поскольку фонетически ожидаемая для заднерядного варианта запись *[жынБ] противоречит русскому правилу о жи-ши. Ср.:

- mól'-žin' caus./fin.* [молБ-жинБ] 'богатство' ~ чув. *mol-žən* тж.;
s'ír' žin' caus./fin. [сирь жинБ] 'земля' ~ чув. *šər-žən* тж. и др.

2.1.2. Число

Показателем множественного числа имени в современном чувашском языке является аффикс *-sem*, который в верховых говорах имеет вариант *-sam* после заднерядных основ. В языке памятника, однако, *-zam'* [-замБ] выступает в роли единственного варианта данного показателя как в заднерядном, так и переднерядном контексте. Ср.:

- pos'-zám' pl.* [пось-зámБ] 'голова' ~ чув. *poş-sem* тж.;
χójyazam' pl. [χойгазамБ] 'забота' ~ чув. *χójy-zem* тж.;
k'il'zam' pl. [кильзамБ] 'молитва' ~ чув. *kələ-zem* тж.;
iz'zám' pl. [изьзámБ] 'дело' ~ чув. *əş-sem* тж.

В косвенных падежах древнего происхождения (притяжательном, дательном-винительном, местном и исходном) в чувашском представлен вариант показателя множественного числа *-sen* (в диалектах также *-san*). В языке памятника находим, соответственно, варианты *-zen'* [-зэнь] ~ *-sen* притяжательного падежа и *-zan'e* [-зане] ~ *-sene* дательного-винительного падежа, но в пространственных падежах в части случаев неожиданно представлен основной вариант *-zam'* [-замБ]. Ср.:

- kon'-zen' pl.-gen.* [конБ-зэнь] 'день' ~ чув. *kon-zen* тж.;
kuzan'è pl. dat./acc. [кузанè] 'этот' ~ чув. *ko-zene* тж.;
χójyazam' ra pl. loc. [χойгазамБ ра] 'печаль' ~ чув. *χójy-zenže* тж.;
àib' zan'č'én' pl. abl. [айбБ заньчэнь] 'вина' наряду с *amál'zam' ran' pl. abl.* [амалБзамБ ранБ] 'средство' ~ чув. *ajər-senžen, etel-zenžen* тж.

Встречающиеся в памятнике формы, выражающие категории падежа и числа, можно обобщить в Табл. 3.

2.1.3. Принадлежность

Показатели принадлежности 1-го, а тем более 2-го лица малоупотребительны в чувашском языке. В рассматриваемом памятнике они вообще не встречаются во множественном числе, а в единственном отмечаются следующие варианты.

Для 1-го лица:

- ázim' ra 1sg. loc.* [ázymБ ра] 'память' ~ чув. *azym-ra* тж. — [-ымБ] после заднерядных основ на согласный;
íoldážim' 1sg. [íoldáжимБ] 'товарищ' ~ чув. *joldaž-ym* тж. — [-имБ] после палатальных согласных и ж-ш; этот вариант ожидался и бы после переднерядных основ на согласный, но в таком контексте данный показатель не встречается;

- ačám' 1sg.* [ačámБ] 'ребенок' ~ чув. *ača-m* тж. — [-мБ] после основ на гласный.

Для 2-го лица найдена только форма *sódna 2sg. dat./acc.* [содна] 'суд', где сам показатель принадлежности выпал, однако повлиял при этом на выбор падежного показателя: ср. чув. *sot-na* < "sod-ь-na, но *sod-a* без принадлежности.

Таблица 3

Отражение показателей падежа и числа в переводе «Дня святой жизни...»⁴

падеж / число	ед. ч.	мн. ч.
основной	—	-замБ -set
притяжательный	-ынБ / -инБ / -нБ ~ -нь -ьп / -эп / -п	-зэнь -sen
дательно-винительный	-а / -е, -на / -не, -я -а / -е, -па / -пе, -ја / -је	-зане -sene
местный	-да / -де, -ра / -ре -да / -де, -ра / -ре	-замБ ра -senže
исходный	-данБ / -день, -ранБ / -рень -dan / -den, -ran / -ren	-замБ ранБ ~ -заньчэнь -senžen
творительный	-ба / -бе, -бала / -беле -pa(la) / -pe(le)	-замБ ба, -замБ бала / -замБ беле -sembe(le)
лишительный	-зырБ -сьр / -сьр	-замБ зырБ -semzər
причинно-целевой	-жинБ -šьп / -šэп	-замБ жинБ -semžəp

Наибольший интерес представляет отражение показателя принадлежности 3-го лица, поскольку он очень частотен, будучи употребительным не только для выражения собственно отношений владения, но и в семантически разнородных изафетных конструкциях. В чистых основах на согласный регулярно записывается [-e] ~ чув. -ə. К основам на гласный в литературном чувашском присоединяется -i, а в языке памятника — -i [-u] или -i [-ы] в зависимости от сингармонистического ряда основы. Ср.:

mól'e 3sg. [мóле] 'богатство' ~ чув. *mol-ə* тж.;

s'ill'i 3sg. [силлй] 'гнев' ~ чув. *šill-i* тж.;

todì 3sg. [тоды] 'губа' ~ чув. *tod-i* тж. и др.

2.2. Глагольная морфология

2.2.1. Форма возможности

Категория возможности в чувашском языке выражается аффиксом -aj / -ej, который стягивается в -i- в ряде верхних говоров [Левитская 1976: 54]. К последним относится и говор-источник рассматриваемого памятника, причем в заднем ряду здесь представлен вариант -i- [-ы-], ср.:

toyimín' pot. neg. fut. 2sg. [тогымынБ] 'выйти' ~ чув. *toy-aj-təp* тж.;

s'id'imár'e pot. neg. pret. 3sg. [сидимáре] 'достичь' ~ чув. *šid-ej-merə* тж.

2.2.2. Императив

Таблица 4

Показатели повелительного наклонения, отмеченные в переводе «Дня святой жизни...»

лицо / число	ед. ч.	мн. ч.
1	-амБ / ? -am / -em	не зафиксировано -ar / -er
2	совпадает с основой	-ырБ / -ерБ -ьр / -эр
3	-дырБ -dьр / -dər	-чирБ / ? -čььр / -čьэр

⁴ Здесь и далее под формами из памятника даны общечувашские эквиваленты.

Формы 1-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа отмечены только в заднерядном варианте; в переднем ряду ожидалось бы отражения *[емЪ] и *[черЪ] ~ *[чирЪ] соответственно. Примечательна генерализация формы 3-го лица единственного числа в варианте [дырЪ] независимо от сингармонизма. Ср. примеры:

polžám^s imp.-1sg. [полжámЪ] ‘помогать’ ~ чув. *polž-am* тж.;
túvir^s imp.-2pl. [ту́вырЪ] ‘делать’ ~ чув. *tõv-õr* тж.;
k'il'k'il'er^s imp.-2pl. [килькíлерЪ] ‘молиться’ ~ чув. *käl käl-ar* тж.;
k'il'dir^s imp.-3sg. [кíльдырЪ] ‘приходить’ ~ чув. *kil-dar* тж.;
kaz'árčir^s imp.-3pl. [казя́рчирЪ] ‘прощать’ ~ чув. *kažar-čšyr* тж.

2.2.3. Настоящее время

Таблица 5

Показатели настоящего времени,
отмеченные в переводе «Дня святой жизни...»

лицо / число	ед. ч.	мн. ч.
1	-адыбЪ / -едыбЪ -адър / -едәр	-адбырЪ / -едбырЪ -атрър / -етрәр
2	-адынЪ / -едынЪ -адън / -едән	-адтырЪ / ? -адър / -едәр
3	-ать ~ -адъ / -еть ~ -едъ -ат' / -ет	-ассе / -ессе -аššә / -eššә

2.2.4. Простое прошедшее время

Таблица 6

Показатели простого прошедшего времени,
отмеченные в переводе «Дня святой жизни...»

лицо / число	ед. ч.	мн. ч.
1	-рымЪ, -дымЪ -рът / -рәт, -дът / -дәт	-рымырЪ, -дымырЪ -рътър / -рәтәр, -дътър / -дәтәр
2	-дынЪ, -рынЪ -дън / -дән, -рън / -рән	-рырЪ -дър / -дәр, -рър / -рәр
3	-ре, -че -рә, -žә	-ресь ~ -рись / -чесь ~ -чись -рәš, -žәš

Среди форм 2-го лица множественного числа ожидался бы также вариант [-дырЪ], но реально он в памятнике не обнаружен. Интересно, что формы 1-го и 2-го лица генерализованы в заднерядных вариантах даже после переднерядных основ, см., например, *k'úd'rim*^s pret. 1sg. [кюдърымЪ] ‘ждать’ ~ чув. *kät-rät* тж.

2.2.5. Прошедшее многократное время

Таблица 7

Показатели прошедшего многократного времени,
отмеченные в переводе «Дня святой жизни...»

лицо / число	ед. ч.	мн. ч.
1	не зафиксировано -attъм / -ettәм	не зафиксировано -attъмър / -ettәмәр
2	-адтынЪ / -едтынЪ -attън / -ettән	не зафиксировано -attър / -ettәр
3	-атьче ~ -адъче / -етьче ~ ятьче -atčә / -etčә	-атьчесь ~ адъчесь / -етьчесь -atčәš / -etčәš

2.2.6. Будущее время

Таблица 8

Показатели будущего времени,
отмеченные в переводе «Дня святой жизни...»

лицо / число	ед. ч.	мн. ч.
1	-ыбЪ / -ибЪ -ър / -эр	-ыбырЪ / -ибырЪ -ьбрь / -эбрь
2	-ынЪ / -инЪ -ьп / -эп	не зафиксировано -ьг
3	-е -э	-есь ~ исъ -эъ

2.2.7. Сослагательное наклонение

Таблица 9

Показатели сослагательного наклонения,
отмеченные в переводе «Дня святой жизни...»

лицо / число	ед. ч.	мн. ч.
1	-дымЪ-че -ьтът / -этът(щэ)	-(ы / у)дымырЪ-че -ьттър / -эттар(щэ)
2	-(ы / у)дынЪ-че -ьтътп / -этътп(щэ)	не зафиксировано -ьттър / -эттар(щэ)
3	-иче -эщэ	-ичесь / -ичись -эщэъ

Представленная в памятнике система показателей сослагательного наклонения достаточно своеобразна. Как видно из таблицы, формы 1-го и 2-го лица содержат полувзвонкий *-d-* [*-d-*] при геминированном *-tt-* в современном чувашском. При этом в памятнике часто опускается редуцированный в начале данного показателя, что в принципе ожидаемо для орфографий данного периода, однако в результате записи приобретают большое сходство с формами прошедшего времени, отличаясь только наличием последующего [*-че*] (факультативного в современном языке). Ср. *bóldim^c-če* cond.-1sg. [*бóлдымЪ-че*] ~ чув. *pol^hьтът(щэ)* при *bóldim^c* pret. 1sg. [*бóлдымЪ*] ~ чув. *pol^hьт* 'быть'.

2.2.8. Нефинитные формы глагола

В памятнике отмечаются следующие частотные нефинитные формы глагола:
супин на *-та / -те, -таşkьп / -теşkьп* (взаимозаменяемые варианты): [*-ма*] / [*-ме*], [*-маишкынЪ*] / [*-меишкынЪ*];
инфинитив (в традиционной грамматике — причастие будущего времени) на *-ас / -ес*: [*-асЪ*] / [*-есЪ*];
перфектное причастие на *-нь / -нэ*: [*-ны*] ~ [*-на*] (в том числе после переднерядных основ!);
причастие настоящего времени на *-аган / -еген*: [*-аганЪ*] / [*-еггенЪ*];
специфически верховая причастная форма с темпоральным значением на *-ттипе*: [*-тыбе*];
причастие долженствования на *-малла / -мелле*: [*-малла*] / [*-мелле*];
причастие возможности на *-i* (обычно употребляется в отрицательной форме): [*-и*];
деепричастие на *-са / -се*: [*-за*] ~ [*-са*] / [*-зэ*] ~ [*-сэ*]
и некоторые другие.

Выводы

Итак, чувашский перевод «Дня святой жизни...» представляет собой один из старописьменных памятников чувашского языка середины XIX в., интересных с точки зрения как орфографии, так и стоящих за ней языковых реалий.

Орфография данного памятника довольно сильно отличается от правил, принятых в большинстве других кириллических памятников XVIII—XIX вв., разделяя с ними только наиболее тривиальные

приемы. При этом ряд специфических средств, необходимых в трудных для адаптации к русской графике случаях, по-видимому, унаследован «Днем святой жизни...» от другого памятника — «Начертания...» В. П. Вишневого (1836). К таковым относится, в частности, передача полувзвонких -g- и -y-, соответственно, через [-z-] и [-z-], а также использование диграфа [би̇] для записи анлаутных сочетаний типа «j + неогубленный узкий гласный».

Особенности отражения шумного консонантизма в данном памятнике суммированы в следующей таблице.

Таблица 10

**Основные способы передачи шумных согласных
в чувашском переводе «Дня святой жизни...»**

	анлаут	простой интервокал	гемината	кластер внутри основы	исход глагол. основы	исход имен. основы	начало аффикса	исход аффикса
<i>p</i>	<i>n ~ б¹</i>	<i>б</i>	<i>n ~ nn²</i>	<i>n</i>	<i>б</i>	<i>б ~ n²</i>	<i>б</i>	<i>б</i>
<i>t</i>	<i>m (~ д¹)</i>	<i>д</i>	<i>dm / m³</i>	<i>m</i>	<i>д</i>	<i>m</i>	<i>д</i>	<i>m (~ д²)</i>
<i>k</i>	<i>к</i>	<i>z</i>	<i>к ~ kk²</i>	<i>к</i>	<i>к (~ z²)</i>	<i>к</i>	—	—
<i>χ</i>	<i>х</i>	<i>z</i>	<i>х</i>	<i>х</i>	<i>z (~ x²)</i>	<i>х (~ z²)</i>	—	<i>х (~ z²)</i>
<i>s</i>	<i>с</i>	<i>з</i>	<i>с ~ cc (~ зc⁴)</i>	<i>с</i>	<i>з</i>	<i>с</i>	<i>з</i>	<i>с</i>
<i>ʃ</i>	<i>ш</i>	<i>ж</i>	<i>ш</i>	<i>ш</i>	<i>ж (~ ш)</i>	<i>ш ~ ж</i>	<i>ж</i>	—
<i>ʒ</i>	<i>с'</i>	<i>з'</i>	<i>сс' (~ зс'⁴)</i>	—	<i>зб (~ сb²)</i>	<i>сб ~ зb²</i>	—	<i>сб</i>
<i>č</i>	<i>ч</i>	<i>ч</i>	<i>ч</i>	—	—	—	—	—

Комментарии:

¹ Историческое озвончение в позиции фразового инлаута.

² Взаимозаменяемые варианты.

³ Первый вариант — в позиции между гласными, второй — после сонанта перед гласным.

⁴ Только на стыке морфем.

Примечательная особенность орфографии данного памятника в части, касающейся шумного консонантизма, состоит в том, что здесь сосуществуют два принципа орфографии. С одной стороны, ограниченно используется фонетический принцип: в начале и внутри основы, а также внутри аффиксов отражаются глухие или звонкие варианты, вполне ожидаемые исходя из чувашской фонотактики. Правило озвончения в интервокальной позиции, как правило, действительно и для других позиций, но обратное — глухость шумного там, где это ожидается по фонотактике, — для них неверно. Иными словами, в позициях исхода основы, а также начала или исхода аффикса запись согласных генерализована в соответствии с морфологическим принципом. Общая закономерность такова, что в исходе глагольной основы записывается звонкий согласный, в исходе именной основы — как правило, глухой, в начале аффикса — звонкий, в исходе аффикса — глухой. Отмеченные в таблице колебания при отражении консонантизма («взаимозаменяемые варианты») отчасти могут быть объяснены конкуренцией между указанными орфографическими принципами. К примеру, по умолчанию — в соответствии с принятой орфографией — в исходе чистой глагольной основы записываются звонкие, однако в части случаев все же побеждают глухие отражения, фонетически естественные для данной позиции.

В следующей таблице в общем виде приводятся особенности записи вокализма в рассматриваемом памятнике.

Таблица 11

Основные способы передачи гласных в чувашском переводе «Дня святой жизни...»

	анлаут	прикрытый первый слог	непервые слоги
<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a, я^{1,2}</i>	<i>a</i>
<i>e</i>	<i>э</i>	<i>e</i>	<i>e ~ я³</i>
<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o, io^{1,2}</i>	—
<i>y</i>	<i>y</i>	<i>y ~ yb⁴</i>	<i>y</i>
<i>ü</i>	<i>ю ~ iü⁴</i>	<i>ю</i>	<i>ю</i>
<i>i</i>	<i>и ~ би ~ бi̇ ~ би̇⁴</i>	<i>ы, и¹, би̇², y⁵</i>	<i>ы⁶</i>
<i>i</i>	<i>и, i⁷</i>	<i>и, i⁷, би̇⁸, э ~ e⁹</i>	<i>и</i>
<i>ь</i>	<i>и ~ би ~ бi̇ ~ би̇⁴</i>	<i>ы, би̇², y⁵</i>	<i>ы ~ а³</i>

	анлаут	прикрытый первый слог	непервые слоги
ĭ	у	у, о ¹⁰	у
ə	и	и, ъи ² , ъи ⁸	и ~ е ³
ǫ	йу	ю, и ⁵	ю

Комментарии:

¹ После *ʒ*-.

² После *j*-.

³ В ауслaute предпочтителен более открытый гласный, в закрытых слогах употребительны оба варианта.

⁴ Часто взаимозаменяемые варианты, не связанные с фонетическими распределениями.

⁵ Рядом с губными согласными.

⁶ Результат воздействия сингармонистического выравнивания на *-i-* в составе аффиксов.

⁷ Графический вариант перед гласным или йотом.

⁸ После *s*-.

⁹ Возможный архаизм.

¹⁰ После велярных согласных в предударных слогах.

Как видно из таблицы, на отражение гласных влияют, прежде всего, позиция соответствующего слога и консонантное окружение. В части, касающейся вокализма, орфография «Дня святой жизни...» не так сильно отличается от орфографий кириллических памятников XVIII в. Однако в отдельных моментах здесь уже прослеживается путь к яковлевской орфографии (например, [э-] нормализован в качестве регулярного отражения анлаутного *e*-). В сложных случаях здесь использованы орфографические находки из «Начертания...» В. П. Вишневого, которые позднее вышли из употребления.

Благодаря анализу правил орфографии становится возможным вести речь непосредственно об особенностях говора-источника рассматриваемого памятника. Этот говор несет в себе ряд черт, которые традиционно выступают как классифицирующие признаки верхового диалекта чувашского языка: помимо сохранения общечувашского **o*, это, например, показатель 2-го лица множественного числа настоящего времени *-attər / -ettər* при стандартно-чувашском *-adər / -edər*.

По совокупности признаков больше всего оснований атрибутировать говор-источник памятника как сундырский, он же «северо-западный» в терминологии А. С. Канюковой. Он занимает северо-запад и юго-запад Чебоксарского района, северо-восток Ядринского района и север Моргаушского района Чувашии [Канюкова 1965: 81]. По современным представлениям, это говор верхового диалекта, лежащий на серьезном субстрате малокарачинского диалекта. Среди признаков сундырского говора, которые позволяют в общем отождествлять его с говором-источником чувашского перевода «Дня святой жизни...», можно назвать следующие:

- 1) стяжение *-iv(ь) > -и-* в тех же словах, что и в памятнике, — например, *су* ‘здоровый’, *џуух* ‘близкий’ (здесь и далее сундырские данные приводятся в кириллической транскрипции А. С. Канюковой);
- 2) появление *-и-* (!) на месте *-i-* после губных согласных: *вур-* ‘жать’;
- 3) развитие *-ѳь > -о-* после велярных: *холха* ‘ухо’;
- 4) распространенность заднерядных вариантов у тех основ, которые в большинстве говоров имеют переднерядную огласовку: *амал(ь)* ‘лекарство’, *каллях* ‘снава’, *сахат* ‘часы’ и т. п.;
- 5) невыпадение *-r-* на конце основы в тех глаголах, которые в большинстве говоров теряют его при спряжении: *партӓм* ‘(я) дал’ — ср. в памятнике [бӓрче] наряду с [бӓче] ‘(он) дал’;
- 6) сохранение носового сонанта при развитии ПТю **иџ*: *хӓнча* ‘когда’, *минче* ‘сколько’;
- 7) наличие формы дательного-винительного падежа на *-ja / -je*;
- 8) наличие варианта местоимения ‘вы’ *сэр* (= *сер*) наряду с общечувашской формой с дейктическим *e-*;
- 9) местоимение ‘они’ имеет характерный вид *вӓлсам* — ср. запись [вуль зӓмь] в памятнике при литер. *vazet* тж.;
- 10) наличие специфических форм в системе возвратных местоимений: *хусамӓр* ~ литер. *хӓвӓр* ‘вы сами’, *хун* ~ литер. *хӓжӓн* ‘его собственный’, ср. записи из памятника [хузӓмырӓ], [хунӓ].

Отождествление говора-источника памятника с сундырским говором замечательно согласуется с приводимыми в книге указаниями на места, откуда были родом священники, преподнесшие перевод митрополиту. Судя по описаниям, село Акрамово находится непосредственно в зоне распространения сундырского говора, в то время как для более восточного Янгильдино уже нельзя исключать распространения чебоксарского говора. В связи с этим можно сделать обоснованное предположение относительно авторства чувашского перевода «Дня святой жизни...» или, по крайней мере, расписанной его части: из двух кандидатов больше оснований считать главным переводчиком священника Евгения Акрамовского.

Сокращения

Языки и диалекты

азер. — азербайджанский язык	низ. — низовой диалект чувашского языка
верх. — верховой диалект чувашского языка	ПТю — пратюркский язык
диал. — диалектная форма	рус. — русский язык
кыпч. — язык кыпчакской группы	тур. — турецкий язык
литер. — литературный язык	чув. — чувашский язык
МК — малокарачинский говор (диалект) чувашского языка	

Общие

abl — исходный падеж (аблатив)	iter — учащательная форма (итератив)
adv — наречная форма	loc — местный падеж (локатив)
car — лишительный падеж (каритив)	med — медиальный залог
caus — понудительный залог (каузатив)	neg — отрицательная форма
caus./fin. — причинно-целевой падеж (каузалис-финалис)	nom — номинализатор
comit — форма обладания	part — причастие
comp — сравнительная степень	pl — множественное число
cond — сослагательное наклонение	pot — форма возможности
cond.-part. — условно-временное причастие	pres — настоящее время
conv — соединительное деепричастие	pres.-part — причастие настоящего времени
dan — имя, образованное от наречия	pret — простое прошедшее время
dat./acc — дательно-винительный падеж (датов-аккузатив)	pret.-mult — прошедшее многократное время
debt — форма долженствования	prf.-part — перфектное причастие
dnv — отыменный глагол	proh — прохитив
dvn — отглагольное имя	sg — единственное число
emph — эмфатическая частица	sup — супин
fut — будущее время	term — предельный квазипадеж (терминатив)
gen — притяжательный падеж (генитив)	1 — первое лицо
imp — повелительное наклонение (императив)	2 — второе лицо
inf — инфинитив	3 — третье лицо
instr — совместный падеж (инструменталис)	" — реконструкция фонетического прототипа формы из памятника
int — вопросительная частица	

Литература

- Андреев 1961 — Андреев Н. А. Краткий грамматический очерк чувашского языка // Чувашско-русский словарь / Под ред. Сироткина М. Я. М., 1961. С. 599—630. {*Andreev N.A. A concise grammatical survey of the Chuvash language // Chuvash-Russian dictionary / Ed. Sirotkin M.Ya. M., 1961. P. 599-630.*}
- Ашмарин 1898 — Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898. {*Ashmarin N.I. Materials for researching the Chuvash language. Kazan, 1898.*}
- Вишневский 1836 — Вишневский В. П. Начертание правил чувашского языка и Словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии. Казань, 1836. {*Vishnevski V.P. An inscription of the Chuvash language rules and a Dictionary, compiled for religious schools of the Kazan diocese. Kazan, 1898.*}
- День 1856 — Постников Г. П. День святой жизни, или ответ на вопрос: как мне жить свято? СПб., 1856. {*Postnikov G.P. A day of a holy life, or an answer to the question of how I can live holy? SPb, 1856.*}
- Канюкова 1965 — Канюкова А. С. Чувашская диалектология. Чебоксары, 1965. {*Kanyukova A.S. Chuvash dialectology. Cheboksary, 1965.*}
- Катехизис 1788 — Краткий катехизис с переводом на чувашский язык. СПб., 1788. A short catechism with the Chuvash language translation. SPb, 1788.
- Конь 1857 — Постников Г. П. Конь святой борнызинь, али Хоравъ идю синэ: еплэ манъ святой борнась? Казань, 1857. {*Postnikov G.P. Конь святой борнызинь, али Хоравъ идю синэ: еплэ манъ святой борнась. Kazan, 1857.*}
- Левитская 1976 — Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976. {*Levitskaya L.S. Historical morphology of the Chuvash language. M., 1976.*}

Мудрак 1993 — *Мудрак О. А.* Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: Опыт реконструкции и интерпретации. М., 1993. {*Mudrak O.A.* Historical correspondences of Chuvash and Turkic vowels: an attempt of reconstruction and interpretation. M., 1993.}

Мудрак 2011 — *Мудрак О. А.* Некоторые заметки по орфографии и фонетике памятника «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» // Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. Чебоксары, 2011. С. I—XIV. {*Mudrak O.A.* Some notes on orthography and phonetics of the “Works concerning the Chuvash language grammar” // Works concerning the Chuvash language grammar. Cheboksary, 2011. P. I-XIV.}

Родионов 2004 — *Родионов В. Г.* Виктор Вишневецкий и этапы становления чувашской письменной культуры. Чебоксары, 2004. {*Rodionov V.G.* Victor Vishnevski and stages of development of the Chuvash written culture. Cheboksary, 2004.}

Савельев 2013а — *Савельев А. В.* Отражение вокализма чувашских диалектов в «Сравнительном словаре» П. С. Палласа // Урало-алтайские исследования. 2013, 1 (8). С. 34—54. {*Savelyev A.V.* Reflection of the Chuvash dialects vocalism in the “Comparative dictionary” by P.S. Pallas // Ural-Altai studies. 2013, 1 (8). P. 34-54.}

Савельев 2013б — *Савельев А. В.* Фонетические особенности низового диалекта чувашского языка (по данным говоров Нурлатского района Татарстана) // Материалы XIII международной конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России». Уфа, 2013. С. 105—111. {*Savelyev A.V.* Phonetic features of the Lower dialect of the Chuvash language (based on patois of the Nurlat district in Tatarstan) // Proceedings of the 13th international conference “Current problems of dialectology of the peoples of Russia”. Ufa, 2013. P. 105-111.}

Савельев 2014 — *Савельев А. В.* Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века (на материале Словаря Палласа). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014. {*Savelyev A.V.* Reflection of the dialect features in early written monuments of the 18th century Chuvash language (based on the Pallas Dictionary). Ph.D. thesis. M., 2014.}

Савельев 2015 — Диалектная основа чувашских материалов в Словаре Палласа // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Материалы XV Всероссийской научной конференции. Уфа, 2015. С. 229—233. {*Savelyev A.V.* Dialectal base for the Chuvash material in the Pallas Dictionary // Current problems of dialectology of the peoples of Russia. Proceedings of the 15th national scientific conference. Ufa, 2015. P. 229-233.}

Сергеев 1992 — *Сергеев Л. П.* Чăваш диалектологийĕ: Вĕренÿ пособиĕ. Шупашкар, 1992.

СИГТЯ 1997 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 1997. {Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages: Vocabulary / Ed. *Tenishev E. R.* M., 1997.}

СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 2002. {Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages: Regional reconstructions / Ed. *Tenishev E. R.* M., 2002.}

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. *Тенишев Э. Р., Дыбо А. В.* М., 2006. {Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages: The Proto-Turkic language ancestor language. The Proto-Turkic ethnos' worldview based on language data / Ed. *Tenishev E. R., Dybo A.V.* M., 2006.}

Сочинения 1769 — Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. Казань, 1769. {Works concerning the Chuvash language grammar. Kazan, 1769.}

СС 1787 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей Всевысочайшей особы. Т. I. СПб., 1787. {*Pallas P.S.* Comparative dictionaries of all languages and dialects, compiled by the right hand of the Highest Person. Vol. I. SPb., 1787}

СС 1789 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей Всевысочайшей особы. Т. II. СПб., 1789. {*Pallas P.S.* Comparative dictionaries of all languages and dialects, compiled by the right hand of the Highest Person. Vol. II. SPb., 1789.}

СЧЯ — *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Т. I—XVII. Казань—Чебоксары, 1928—1950. {*Ashmarin N.I.* Dictionary of the Chuvash language. Vol. I-XVII. Kazan—Cheboksary, 1928-1950.}

Успенский 1994 — *Успенский Б. А.* Фонетическая структура одного стихотворения Ломоносова (Историко-филологический этюд) // *Успенский Б. А.* Избранные труды. Т. II. Язык и культура. С. 207—241. {*Uspenski B.A.* Phonetic structure of one of Lomonosov's poems (A historical-philological essay) // *Uspenski B.A.* Selected works. Vol. II. Language and culture. P. 207-241.}

Müller 1759 — *Müller G. F.* Nachricht von dreyen im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen und Wotjaken // Sammlung Russischer Geschichte. Bd. III, St. IV. St. Petersburg, 1759.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена крупному памятнику чувашского языка середины XIX в. — переводу проповеди митрополита Григория (Постникова) «День святой жизни, или ответ на вопрос: как мне жить свято?». Подробно разбирается сис-

тема орфографии памятника, которая отчасти наследует «Начертанию...» В. П. Вишневого, а отчасти уникальна для старописьменных памятников чувашского языка. Исследование фонетических и морфологических особенностей языка памятника позволяет произвести географическую локализацию говора, положенного в его основу, как сундырского, что хорошо согласуется с историческими данными (указаниями на места, откуда были родом священники — авторы перевода).

SUMMARY

The article is devoted to a major mid-19th-century text in Chuvash, a translation of a sermon by Metropolitan Gregory (Postnikov) named "A day of a holy life, or an answer to the question of how I can live holy?". The author considers in detail the monument's writing system, which partly comes from "An inscription of the Chuvash language rules and a Dictionary, compiled for religious schools of the Kazan diocese" by V. P. Vishnevsky and partly is unique among those of old-written records in Chuvash. Analysing the phonological and morphological features of the text's language allows to establish that it's based on the Sundyr dialect of Chuvash, which falls in line together with the historical data on where were the priests, authors of the translation, from.

Ключевые слова: чувашский язык, орфография, историческая фонетика, историческая морфология, диалектология

Keywords: Chuvash, orthography, historical phonology, historical morphology, dialectology

Савельев Александр Владиславович, Институт языкознания РАН (Москва); santor.jus@gmail.com

Alexandr V. Savelyev, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow); santor.jus@gmail.com